

Н.В. Пенкина

**ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ПРОЗЫ
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА

Монография

**Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2012**

ББК 87.3(2)

П 25

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Рецензенты:

кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента
Западно-Сибирского института финансов и права *С.В.Мясникова*;
кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных
и естественно-научных дисциплин НВФ ОмГТУ *О.М.Минтус*

Пенкина Н.В.

П 25 **Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека:** Монография. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2012. — 104 с.

ISBN 978–5–89988–976–9

В монографии проводится целостный историко-философский анализ творческих исканий русского мыслителя начала XX в. Андрея Платоновича Платонова, анализируется проблема человека, его онтологический статус и место в социальном мире.

Предложенные выводы представляют интерес для преподавателей, аспирантов, студентов, всех интересующихся проблемами истории философии и русской литературы XX в.

ББК 87.3(2)

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 04.12.2012
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 6,5
Тираж 300 экз. Заказ 1333

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ISBN 978–5–89988–976–9

© Пенкина Н.В., 2012
© Издательство НГГУ, 2012

Введение

Философия и литература по-своему отражают и осваивают мир. Художественная деятельность представляет наравне с научной самостоятельный модус философствования, а ее продукты должны быть включены в поле зрения истории философии. Сближение философских идей и художественных образов происходит, прежде всего, на основе решения *проблемы человека*, ибо она сближает философа с художником и побуждает последнего философствовать.

Одной из ярких попыток разгадать тайну человека является проза *Андрея Платоновича Платонова* (1899—1951 гг.). Исследования о наследии писателя указывают на связь его творчества с общими тенденциями русской и мировой культуры. Человек и его место в мире — сквозная и фундаментальная линия в развитии философии бытия, познания и ценности в художественной ткани А.П.Платонова. Писатель пытается раскрыть сущность человека в конкретных ситуациях. Человек у Платонова встает как перед лицом природы, так и перед миром межчеловеческим, социальным, находящимся в процессе бурного переустройства, участником которого он является сам. Причем оба эти отношения глубинно связаны.

Свидетельством возросшего интереса к творчеству А.П.Платонова является та широкая проблематика идей, которая обнаруживается исследователями на стыке гуманитарных направлений. Русский писатель привлек пристальное внимание к натурально-природной основе вещей, к самому онтологическому статусу человека и мира, что, безусловно, является признаком философичности его наследия. Как правило, свои философские идеи писатель излагал в художественной форме, однако можно выделить в ряде публицистических статей философские трактаты (в частности, «О любви», «Культура пролетариата», «Поэма мысли» и так далее). В связи с этим историко-философский анализ его произведений поможет уяснить писательскую диалектику взаимоотношений человека и мира. В исследовании рассматривается складывающаяся во всем творчестве писателя система представлений о человеческом существовании в художественном мире Платонова. Изучение творческих исканий писателя важно по ряду причин.

Во-первых, будучи самобытным оригинальным мыслителем, А.П.Платонов в своем творчестве специфически преломил философские, культурные, социальные, идеологические, этические проблемы эпохи.

Во-вторых, деятельность А.П.Платонова, собственно художественная и производственная, настолько тесно связана со становлением новой государственности, что обращение к наследию писателя позволяет обнаружить истоки отношений между государством, обществом и человеком, сложившиеся в СССР, и осмыслить это с позиций нашего времени.

В-третьих, современное, в эпоху глобализации, историко-философское прочтение творчества А.П.Платонова акцентирует вопрос о родовой сущности человека, о его назначении и смысле.

Современных исследователей поражает концептуальное богатство текстов русского мыслителя, широта диапазона философских устремлений А.П.Платонова, свобода его философского дискурса, устремленного в самые разные аспекты культуры. Поэтому целостный анализ наследия, в частности, проблемы человека, представляется актуальным, т. к. помогает раскрыть характер развития философского дискурса XX в. более полно и цельно, чем это было сделано до сих пор.

Судьба А.П.Платонова оказалась одновременно и трагичной, и традиционной для своего времени. То, что его имя долгое время находилось под запретом, не только не уменьшило актуальности его взглядов, но, напротив, подчеркнуло, что сфера затронутых идей перекликается с сегодняшним днем. Этим он привлекает внимание современных исследователей, этим он самобытен и актуален.

Проблемное поле философско-художественной ткани творчества Платонова пропитано многосторонними идеями, которые отражали как неизменные, так и меняющиеся начала его исканий: к неизменным относится ориентация на сущность человека, а к меняющимся — отношение к утопическим проектам пересоздания мира, роли и места человека в этих процессах.

Антропологическая тема у Платонова универсальна. В центр произведений он ставит человека не столько как природное существо, сколько как духовный опыт его личности, смысл индивидуального и коллективного бытия. Размышления над проблемами

человека понимаются Платоновым на основе опыта бытия, нежели отдельных сфер.

Метафизические взгляды писателя, с одной стороны, тесно связаны с практической гносеологией, а с другой — проецируют антропологическую и этическую проблематику. В связи с этим в формулировках художественно-философского мировоззрения писателя прослеживается определенная эволюция: от метафизической картины мира к ориентированности на экзистенциальные проблемы человека, свидетельствующие об антропологической доминанте в творческих исканиях Платонова.

В наследии Платонова отражены взгляды различных философских школ и направлений: с одной стороны, философско-религиозной философии (в частности, В.С.Соловьева, Н.О.Лосского, П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, Н.Ф.Федорова и др.), с другой — идеи марксизма и позитивизма (особенно А.А.Богданова и А.В.Луначарского).

Понимание соотношения человека и общества раскрывает в философском мироощущении Платонова близость к «метафизическому социализму», из которого не выводится тотальный коллективизм, навязываемый советским обществом, что в свою очередь раскрывает антропологическую позицию писателя, опирающуюся на традицию онтологизма в философии.

Материалы и выводы могут быть использованы при составлении лекционных курсов и спецкурсов по истории отечественной философской мысли, философской антропологии, проблемам социальной философии, а также в практике проведения семинарских занятий, лекторской и научно-исследовательской работе.

Глава 1

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ А.П.ПЛАТОНОВА

Исследования, написанные о русской литературе, как правило, имеют философский контекст, практически каждого великого мастера слова можно назвать философом. Изучение творчества *Андрея Платоновича Платонова* уже давно вышло за рамки чисто литературоведческого или лингвистического анализа. Еще первые исследователи платоновского творчества в середине 60-х гг. XX в. обратили внимание на основное специфическое свойство платоновской прозы — философичность. У Платонова даже политическая актуальность его произведений всегда сопрягается с их философичностью, например, такие остросатирические произведения конца 20-х гг. XX в., как повесть «Город Градов» (1927) или рассказ «Государственный житель» (1929), традиционно рассматриваемые как «антибюрократические», обнаруживают философскую глубину и свидетельствуют о том, что за злободневным содержанием всегда скрывается интерес Платонова к извечным философским вопросам об устройстве мироздания и месте человека в нем. Признак философского искусства виден в характере проблем и в плоскости их разрешения [172. С. 7—8].

Безусловно, что взгляды писателя формировались под общим влиянием эпохи начала XX в. Идеи социального и духовного преобразования, которые провозгласила Октябрьская революция, оказались очень близки Платонову, он начинает активную профессиональную и журналистскую (перешедшую в писательскую) деятельность. С 1918 г. принимает участие в дискуссиях о пролетарской и буржуазной культуре, его статьи появляются в воронежских газетах и журналах. В.А.Чалмаев отмечает: «Статьи Андрея Платонова поражают сейчас редкой высотой мысли, глубиной и масштабностью забот о нравственном здоровье человечества. “Золотой век, сделанный из электричества”, “Интернационал технического творчества”, “Странствующий метафизик”, “Пламя познания”.., статьи об искусстве, первые рассказы об утопистах-инженерах, пытающихся покорить околосолнечное пространство.., работы о засухе и голоде в Поволжье, унесшем свыше шестисот

тысяч жизней, статьи изумляющей и ныне непостижимым созвучием гуманистической мысли молодого Платонова и озарений мыслителей далеких от него эпох» [1. С. 9].

Помочь разобраться в событиях, происходящих в России, писателю помогают разнообразные источники. Н.В.Корниенко, один из ведущих исследователей творчества Платонова, утверждает, что «на рабочем столе воронежского “рабочего-философа” и известного производственника рядом со служебными записями, экономическими расчетами, чертежами к новым изобретениям — книги по древней истории и землепользованию, работы Маркса, Ленина, Троцкого, Бухарина и Бердяева, Федорова, Флоренского, пролетарская поэзия и томики Пушкина, Достоевского, Гоголя...» [71. С. 178]. Спектр интересов писателя был весьма широк, поэтому его творчество в своей основе имеет не один, а несколько корней, но вместе с тем для него характерна склонность к органическому синтезу. В самой манере мыслить у Платонова проявляется склонность к рационализму, к логическим конструкциям, к диалектическому связыванию разнородной идей. Все это нашло отражение во внешних особенностях творчества писателя, что нередко делало его пленником самой манеры мыслить и писать, но, конечно, у него были исходные и определяющие идеи, в которых и надо искать ключ к его философии.

Попробуем определить те центральные исходные идеи, которые без труда мы можем найти у Платонова. Прежде всего, мы должны подчеркнуть корни философского творчества писателя, которые определили его творчество. Впрочем, отличительной чертой наследия русского мыслителя является эклектизм, в текстах причудливо сочетаются идеи позитивизма, русского космизма, диалектического материализма и «философии жизни» [141. С. 343].

Мировоззрение писателя ориентировано на научно-философский опыт эпохи, который нередко представлял собой смесь мифопоэтических представлений со сверхсовременными открытиями науки, философского материализма с религиозным мистицизмом и утопической философией: таковыми являются, в частности, философия Н.А.Федорова, философские воззрения русских космистов (В.И.Вернадского, К.Э.Циолковского, А.Л.Чижевского) и отдельные положения теорий неортодоксальных марксистов

(А.А.Богданова, А.В.Луначарского), которые объединяет идея перестройки мира и человека с помощью науки. При всем «антимистицизме» Платонова нельзя не заметить и того общего, что связывает его мышление с идеями религиозных философов — В.С.Соловьева, П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева: революционный переворот мыслился Платоновым не столько как событие политическое, сколько как событие космологическое и эсхатологическое, после которого наступит эра «царства Божьего» на земле, эра вечной гармонии, единства всего сущего. В повести «Джан» Платонов обращается к зороастрийской легенде об Ормузде и Аримане, во многих произведениях заметно влияние китайских мыслителей, идей буддизма. При этом следует отметить, что практически невозможно определить время знакомства с той или иной философской, религиозной системой, так как Платонов синтезирует разные системы, идентифицировать которые очень сложно.

Мы попытаемся рассмотреть теоретическую линию, в рамках которой происходила эволюция взглядов писателя. Эти воззрения, репрезентирующие конкретные периоды творчества Платонова, не должны восприниматься как некие типологические конструкции.

Рамки движения философской мысли писателя недостаточно четки, скорее даже размыты, поэтому периодизация весьма условна. Новые архивные материалы позволили уточнить представления о периодизации творчества Платонова. Вместо традиционного деления творчества Платонова на три периода (данный принцип предложен в настоящем исследовании) Н.В.Корниенко выдвинула новый принцип хронологической классификации платоновского творчества, основанный на представлении о цикличности творчества Платонова. Согласно ее исследовательской гипотезе каждый цикл определяется установкой на создание романа. Проведенная ей текстологическая работа над рукописным наследием писателя и, в частности, над найденными в последние годы архивными материалами позволила ей определить, что всего Платоновым было задумано пять романов: это «Чевенгур» (1925—1928), роман о Стратилате (1928—1932), текст которого до сих пор не обнаружен, «Счастливая Москва» (1932—1936), потерявшийся роман «Путешествие из Ленинграда в Москву» (1937—1941) и неизвестный роман «Путешествие в человечество»

(1940-е гг.). Вокруг каждого романа выстраивается своеобразное «поле притяжения»: замысел романа, возникая, порождает большое количество повестей, рассказов, драм. Однако данная периодизация в большей степени отражает эволюцию стиля, жанра, и интересна с литературоведческой точки зрения.

Первая фаза (20-е гг. XX в.) открывает в художественно-философском мире А. П. Платонова вечные вопросы бытия, смерти и бессмертия, победы воли и разума человека, техники над природой, построения новой логики бытия, вообще новой Вселенной. Эти проблемы раскрываются, во-первых, в публицистике: «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» (1919), «Рабочее братство» (1920), «О нашей религии» (1920), «Пролетарская культура» (1920), «Но одна душа у человека» (1920), «Христос и мы» (1920), «Да святится имя твое» (1920), «Новое Евангелие» (1921), «Конец бога» (1921), «Невозможное» (1921 или 1922), «О культуре запряженного света и познанного электричества» (1922), «Симфония сознания» (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы) (1923 или 1924), «Человек и пустыня» (1924), философском эссе «О любви» (1925); во-вторых, в научно-фантастических произведениях «Потомки Солнца» (1922), «Лунная бомба» (1926), «Маркун» (1921), «Эфирный тракт» (1926-1927) и исторической диалогии «Епифанские шлюзы» (1927) и «Иван Жох» (1927).

Данный этап совпадает с непростым периодом нашей истории. С наступлением революции начинается для молодого Платонова «всемирный подвиг человечества», включающий исполнение «надежд всех людей» преодолеть «великое немое горе вселенной», в которой царит слепой закон пожирания и смерти. Такое понимание революции как начала некоего грандиозного вселенского катаклизма, который приведет к «новому небу и новой земле», преображенному бессмертному бытию, как уже отмечалось, разделяли в самые первые послереволюционные годы многие деятели новой культуры.

Платонов искренне верит в то, что наука, марксизм, революция, техника построят новый гармоничный мир, в котором будет счастлив человек. Гармония воспринимается как способность к реализации каждого человека: «новый мир» изменит внутренний мир человека, *то есть писатель делает акцент на социальной*

гармонии. Платонова интересуется, какой же может быть гармония, и самое главное, какие существуют способы достижения гармонии.

Установить социальную гармонию можно при помощи разума, этим объясняется тяга к познанию, а так как разум — прерогатива человека, то соответственно активность принадлежит ему. Человек благодаря разуму понимает необходимость активного преобразования мира. Презумпция необходимости — основа представления о мире — порождает веру в рукотворное бытие. Люди гибнут для воскрешения, как зерно, брошенное в землю, умирает для колоса. В этом и есть смысл революции, а не в социально-политическом преобразовании. Это мироощущение заставляет решить вопросы не только жизни, но и смерти и даже бессмертия. Причем не отдельного человека, а всего человечества.

Человечество существует в каждом отдельном человеке, социальные и моральные проблемы раскрываются в рамках психологии героя, в образе. Жизнь человечества растерзана дисгармонией, земля пропитана кровью и слезами людей. Главная причина такой дисгармонии — несовершенство мира и общества. Человеку отводилась роль преобразователя вселенной, который мог и должен был сотворить новое бытие, создать новую онтологию, для того чтобы найти свое место в мире. Платонов пытается соединить веру в коммунизм с надеждой на глубинный онтологический переворот, призванный преобразить сущность человеческого существования. В своей статье «Пролетарская поэзия» он утверждает: «И хотим мы этого или не хотим, — революция внутри человека произойдет, человек изменится. Причина этого изменения лежит в самой действительности, вне человека» [1. С. 524].

Мы подошли к очень важному аспекту творчества писателя: познание, разум, поиск «вещества мироздания», истины жизни, бессмертия — это поиск Сущего, первоосновы бытия. «Люди, — пишет Платонов, — хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама эта чудесная бессмертная жизнь» [1. С. 524]. Именно этот поиск прасновы определяет гносеологические, антропологические и этические взгляды Платонова. Человечество находится, по мнению писателя, в постоянном поиске «той вольной силы, которая творит и творит и разрушает вселенные» [1. С. 400]. Право на этот поиск дает ощущение сопричастности

этой силы. Душа одновременно является частью этой силы, поскольку она «есть тот же огонь, каким зажжено солнце», поэтому «что человек поймет вперед — себя или природу — не важно.., раз человек и вселенная — одно...» [1. С. 407].

Первое послереволюционное десятилетие творчества раскрывает проблемы практической гносеологии «потопленного мыслителя». Познать — почувствовать — осознать мир — это единая цепочка. «Познанный мир все равно, что покоренный» [1. С. 504]. Познать мир — это познать себя, отсюда важность, необходимость познания. Покорять мир — это покорять себя, но это невозможно. Суть научных исканий — это «не реальные вещи, а отношение человеческого организма ко вселенной в момент познающей действительности» [1. С. 10] — вот методологическая основа гносеологии Платонова рассматриваемого периода.

Но как постичь праматерию, основу мироздания? Платонов так отвечает на этот вопрос: «Несовершенство нашего сознания в том, что я, например, не мог понять сразу эту формулу, а сначала почувствовал ее; ее истина не открылась для меня, а вспыхнула» [4. С. 536]. «Вспыхнувшая истина» — вот ключ, который раскрыл для писателя «вещество мира». Схожие гносеологические взгляды мы можем найти в концепциях П.А.Флоренского и Н.О.Лосского. «Истину, — утверждает Н.О.Лосский, — нельзя познать ни посредством слепой интуиции, при помощи которой познаются разрозненные эмпирические факты, ни посредством дискурсивного мышления — стремление сведения частного в целое путем сложения одного элемента с другим. Истина становится доступной только благодаря рациональной интуиции...» [86. С. 233].

П.А.Флоренский в трактате «Столп и утверждения истины» (по мнению исследователей творчества, Платонов был знаком с данным сочинением) писал: «...акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный. Познание есть реальное выхождение познающего из себя или, — что то же, — реальное вхождение познаваемого в познающего, — реальное единение познающего и познаваемого» [143. С. 78]. Из этих слов Флоренского напрашивается вывод о том, что для Платонова в данный период характерно понимание человека в качестве Я (субъекта), познающего и преобразующего мир (объект).

Основные человеческие ценности тесно увязываются с активностью, свободой и самостоятельностью каждого отдельного человека, это есть осознание субъективно-личностного начала. Человек осознан как существо мыслящее и в этом качестве противопоставлен природе. Он перестает существовать внутри мира, выходит из него, более того, становится господином мира, его преобразователем. А изменение отношения человека к сущему (как совокупность многообразных проявлений бытия) должно изменить само существо человека.

Еще одна проблема, которая раскрывает сущность человека, — проблема сознания. Сознание — это элемент в конструкции будущего, это тайна, раскрыв которую, можно понять истину или смысл жизни. Сознание — знание, мысль, при помощи которой человек способен приблизить будущее. Н.В.Корниенко приводит в своих исследованиях фрагменты из сохранившейся в архиве статьи Платонова «Симфония разума» (1923 г.): «...человечество живет не в пространстве-природе и не в истории-времени-будущем, а в той точке между ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды ... и время и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме...» [72. С. 36]. Звено и есть осознание своего Я, или сознание. При помощи сознания можно переустроить мир, переделать, трансцендировать ее пространствующую, энергетическую и экзистенциальную ограниченность.

Особо Платонов указывает на двойственность сознания героев, которая подчеркивает мысль о неполноте личности. Поэтому человек постоянно хочет заполнить пустоту либо познанием окружающего мира, либо содружеством с другими людьми. Такой переход меняет и героев Платонова, и проблематику произведений автора. Происходит смещение акцентов: с решения вопросов о переустройстве мира к решению проблемы самого человека — возможности обрести внутреннюю гармонию. Автор приходит к мысли о том, что внешняя гармония должна сопрягаться с внутренней гармонией, Платонова начинает интересоваться в большей степени «расстояние между людьми», «взаимное ощущение человека человеком, столь связанных общими целями и общей судьбой». К тому же внешняя гармония в условиях «нового общества»

не совпадает с мечтой молодого Платонова об идеальном государстве. «...что нужно делать, чтобы и мальчику и мне жилось хорошо, то на мой вопрос, как назвать ту ласковую силу, которая в нас бьется и ведет нас к счастью и силе, мальчик отвечал: моя мама» [1. С. 401].

А вот выводы Вогулова из повести «Потомок солнца», к которым он приходит через испытания силой сознания: «...мысль в ненависти и отчаянии истребила тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, — душа другого человека...» [1. С. 40]. Происходит смещение акцентов: автор понимает, что предметом познания должно быть не соотношение «человек и мир», а «человек в мире», совершается переход от онтологии к антропологии и этике. Антропологическая направленность становится доминантой всего творчества писателя.

Таким образом, платоновский утопический план преобразования человека и вселенной отражает основные положения русской философской, религиозной и научной мысли рубежа веков во всем ее внутреннем противоречии, однако начиная с середины 20-х гг. XX в. Платонов все чаще ставит свои утопические юношеские воззрения под сомнение: увидев невозможность при социализме достичь состояния всеобщей гармонии, слиться в единый сверхорганизм научно-мистическим путем, писатель дистанцируется от своих прежних утопических мифологем, придав им «деконструктивные» пародийные и гротескные черты.

Во второй фазе (конец 20-х — начало 30-х гг.) Платонов продолжает разработку тех же вопросов, что и в предшествующем периоде, касающихся, с одной стороны, проблематики человеческого существования в мире, места человека в микро- и макрокосме и возможностей утопического переустройства бытия под коммунистическими знаменами, с другой. Однако автор ставит под сомнение идею всеобщей гармонии и построения общества, в котором все равны и одинаково счастливы. Особому анализу подвергаются методы достижения гармонии и делаются неутешительные выводы.

Этот период представлен такими текстами, как «Чевенгур» (1927), «Город Градов» (1927), «Ямская слобода» (1927), «Сокровенный человек» (1928), «Приключение Копенкина» (1928), «Усомнившийся Макар», (1929), «Государственный житель» (1929),

«Юшка» (1929), «Котлован» (1929—1930), «Впрок» (1931), «Мусорный ветер» (1934), «Такыр» (1934), «Ювенильное море» (1934) и др.

Несостоятельность социальной гармонии иллюстрируется встречами двух утопий — «государственной» и «анархистской» («Город Градов», «Государственный житель», «Усомнившийся Макар», «Экономик Магов», «Чевенгур», «Котлован» и ряд близких в сюжетном отношении сочинений), которые порою трудно различить. Тем не менее, настоящая причина гибели «проектов» в другом — в смерти вполне конкретного человека, будь то не помнящий родства мальчик в «Чевенгуре» или же помнящая свою погибшую мать девочка Настя в «Котловане». Для данного периода характерна этическая направленность, которая является следствием духовного кризиса и разочарования в идеях социализма и коммунизма (отметим, что эти понятия Платонов не разграничивал). «Платонов изживал свои во многом утопические представления о социализме», — отмечает исследователь Л.А.Шубин [158. С. 221]. Для литературы этого периода главной темой являлась диалектическая связь внешнего воздействия и внутреннего воспитания личности. Литература у Платонова перерастает в философию. В повести «Котлован» (1930) окончательно «закапывается» идея социализма и коммунизма.

Герои Платонова продолжают решать онтологические, всеобщие и вечные вопросы. Автор у своих персонажей выделяет не единичное, а то общее, что составляет суть многообразия людей, что должно подчеркивать вечность проблематики. Интерес к вечным проблемам бытия человека в мире акцентирует духовную сферу героя, повышенную ценность приобретает строй его сознания, диапазон чувствований, характер мысли и эмоции, сама форма их выражения и реализации. Художественному анализу в первую очередь подвергается сознание героя, его тип и структура. Подобный план изображения человека легко допускает большую долю выразительности, что порождает условность, фантастичность, метафоризм, деформацию жизненных пропорций, нарушение логики очевидного, так как средства выразительности активизированы.

Человек обдумывает мир, пытается объяснить окружающее, понять законы, которым оно подчиняется и которыми управляется

его собственная жизнь. И если в человеке «источник ясного сознания забит» песком существования, его представления об окружающем мире неизбежно будут изуродованы, фантастичны, ирреальны. Искаженное сознание уродливо показывает связь явлений действительности. Реальность отражается здесь не в собственных объектированных формах и не в авторском восприятии. Платонов стремится воспроизвести мир, рефлекслируемый в сознании героя.

Для героя мир — это цепь бесконечных тайн, которые он пытается разгадать, но не хватает самих знаний, поэтому герой несколько ограничен. Революция дала возможность человеку измениться не только внешне, но и внутренне, однако в реальности этого не происходит, что порождает иронический тон повествования. В этот период ироничность и гротеск становятся неотъемлемыми чертами творчества Платонова. Человеку дана установка, и он бессмысленно повторяет все то, что пишется в газетах. Весь поток неграмотности, ограниченности хлынул на человека. Все эти провозглашенные истины входят в человеческое сознание как данность, и только внутренний голос говорит человеку, что такое хорошо, а что такое плохо. Человек новой эпохи потерял способность к самооценке и, как следствие, к самореализации. Народ как в кривом зеркале воспроизводит лозунги, что ведет к массовому безумию. Именно это безумие и отражает в своем творчестве писатель.

Несостоятельность идеи построения коммунизма в России выводит на первый план в творчестве Платонова тему бинарности бытия и сознания человека. Данная тема реализуется в наборе бинарных оппозиций, которые имеют центральное структурное и смыслопорождающее значение: среди главных выделяются оппозиции дух/материя, тело/сознание, жизнь/смерть, а также пространственные оппозиции верх/низ, внутреннее/внешнее, близкое/далекое и так далее. Этим оппозициям свойственна, однако, амбивалентность, снимающая различие между противоположностями: члены оппозиций оказываются взаимнообратимыми, дух равняется материи, жизнь — смерти, тело — сознанию и наоборот.

Для сознания платоновских героев не существует абстрактных, обобщающих понятий, а вместо этого абстракции переживаются буквально, воспринимаются как нечто телесное: отвлеченное

понятие и предмет, абстрактное и конкретное, сущность и явление отождествляются, воспринимаются как единое целое. Более того, этот принцип реализуется как взаимобратимый процесс одушевления неодушевленного, что придает явлениям предметного и всего нечеловеческого мира статус субъектности и вытекающую из этого способность к человеческим чувствам и поступкам: в платоновском мире и камни, и бурьян, и машина, и паровоз воспринимаются как обладающие субъектностью живые, «одухотворенные» существа, способные мыслить, страдать, чувствовать боль, радость и так далее.

Одновременно происходит обратный процесс неодушевления одушевленного, опредмечивания, овещствления абстрактных сущностей: человек уподобляется машине, абстрактные категории представлены в виде предметов или вещей. Особый интерес в этой связи представляет категория «вещества» у Платонова: абстрактное мыслится так же, как нечто материальное; такие выражения, как «вещество существования», «коммунизм — твердая вещь», «железная твердая видимая вещь», «природное вещество», «вещество мира», «время — это ... такой же осязательный предмет, как любое другое вещество» и другие, отражают слабость абстрактного мышления как повествователя, так и персонажей платоновских произведений и склонность их мышления превращать все в «тела». Следует помнить и о других возможных источниках платоновской «вещественности»: о философском материализме марксизма, о вере в «вещественность мысли» теософского миропонимания и об интересе акмеизма и авангарда к материальному миру, к вещественному аспекту бытия.

Во взглядах А.П.Платонова достаточно ясно прослеживается тяга к механицизму. С одной стороны, он наделяет всю материю свойством чувствительности и одушевленности: чувствительность, по мнению писателя, есть неотделимое свойство материи. С другой стороны, наделенные чувствительностью атомы материи свободно перемещаются во Вселенной и, попадая в «высокообразованное существо», атомы начинают мыслить. В этих рассуждениях очевидна дань гилозоизму, что подчеркивает связь платоновских идей с русским космизмом (особенно с К.Э.Циолковским).

Впервые в научной литературе на данную специфику миропредставления Платонова обратил внимание В.С.Федоров, который в своей работе «Метафизический символизм А.П.Платонова» сделал следующий вывод: «перед нами антропоморфно-разумный гилозоизм, то есть ощутительное знание художником интеллектуально-живого антропоморфного вещества мироздания. Именно этот особый религиозно-мистический путь писателя дает единственную возможность, не принимая теизма в самых разных его проявлениях и не оставаясь в русле “бескрылого” и всегда конечного атеистического мировосприятия, сохранить и утвердить личностное и человеческое бессмертие, а значит признать осмысленность и моральность не только всего человеческого сообщества, но и космического бытия, всего мирового Универсума» [14]. С. 356—357]. С этой точкой зрения нельзя не согласиться.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что в платоновских произведениях данного периода противопоставляются различные типы мышления: мифологическое, научное и утопическое. Герои Платонова, жители провинциальной России, изображаются как носители мифологического мышления, которое обеспечивает гармонию с природой и окружающим миром: в силу нетронутости их ума книжным образованием — единственное культурное влияние на него оказывала религиозная мысль в ее народно-сектантском варианте и, после революции, лозунги марксизма-ленинизма. Их мышление оставалось предельно конкретным, а близость этих людей к природной жизни обусловила сохранение чувства слитности с природой, ее антропоморфное восприятие.

Обобщенный портрет такого человека дается в начале романа «Чевенгур»: «Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек — с тем зорким и до грусти изможденным лицом, который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно. <...> Себе же он никогда ничего не сделал — ни семьи, ни жилища. Летом жил он просто в природе, помещая инструмент в мешке, а мешком пользовался как подушкой — более для сохранности инструмента, чем для мягкости. От раннего солнца он спасался тем, что клал себе с вечера на глаза лопух. Зимой же он жил на остатки летнего заработка, уплачивая церковному сторожу за квартиру тем, что звонил ночью часы. Его

ничто особо не интересовало — ни люди, ни природа, — кроме всяких изделий. Поэтому к людям и полям он относился с равнодушной нежностью, не посягая на их интересы» [26. С. 188]. Хотя Платонов относится с большой симпатией к своим «природным людям», их полубессознательное состояние получает и отрицательную оценку, так как оно сводит жизнь таких людей лишь к удовлетворению конкретных непосредственных физических и жизненных нужд (отсюда определения у Платонова такого сознания как «смутного», «темного»).

Таким образом, состояние сознания героев Платонова, близкое к мифологическому, оценивается амбивалентно, и как нечто положительное, и как нечто отрицательное, однако так же амбивалентно оценивается и научное, утопическое сознание. Революция изображается Платоновым как пробуждение «сонного» сознания героев, но одновременно утрачивается былое единство и гармония с окружающим миром. Столкновение «смутного» народного сознания с миром абстрактных идей, с логическим мышлением, приводит к взаимному вторжению этих двух типов мышления друг в друга: в «первобытный» мир платоновских героев вторгается Логос, люди начинают мыслить и воспринимать мир совершенно новыми для них абстрактными, философскими категориями, но в то же время эти категории подвергаются «мифологической» конкретизации, овнешнению, опредмечиванию, овеществлению. Этот процесс отражен и в самом платоновском языке, в его «неправильности» и «корявости».

Платонов в начале 30-х гг. пришел к пониманию необходимости поступательного гармоничного изменения мира и человека. Модель Вселенной, пропущенная через разные типы мышления человека, не устраивала Платонова. Попытки определить место человека в социуме терпят поражение. Как только человечество уходит от метафизических оснований в сторону социально-политического, происходит гибель (так случилось с Чевенгуром), поскольку человечество теряет связь с миром, природой, космосом, универсумом.

Третья фаза (30—40-е гг.) представляет собой принципиально новую ступень в писательской эволюции Платонова. Творчество этого периода, как правило, у многих исследователей характеризуется как «смирненная проза»: писателя обвиняют в уступках

официальной идеологии и в эстетической слабости. Впрочем, такие произведения, как «Счастливая Москва» (1936), «Джан» (1938), «Фро» (1936), «Третий сын» (1936), «Река Потудань» (1937), «На заре туманной юности» (1938) считаются самыми зрелыми, но именно они свидетельствуют о смене настроения писателя.

Отдельно следует отметить, что к данному периоду также относятся и произведения военных лет — «Под небесами Родины» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Солдатское сердце» (1946), «Неодушевленный враг» (1943), «Одухотворенные люди» (1942) и другие; тексты, написанные в русле традиционной для писателя прозы, — «Афродита» (1944—1945), «Никита» (1945), «Возвращение» (1946), «Неизвестный цветок» (1950), а также детские произведения — «Еще мама», «Корова», «Уля», «Любовь к Родине, или Путешествие воробья» — они не датированы.

Наиболее интересным и недостаточно исследованным произведением последнего периода является роман «Счастливая Москва». Тематически он перекликается с утопическими проектами раннего творчества через призму разоблачающих утопию открытий «Чевенгура» и «Котлована», но в то же время Платонов ищет в романе способы сохранения прежних утопических идеалов в условиях действительности 30-х гг. и средства адаптации к новым эстетическим и идеологическим требованиям сталинской России; однако, не находя их, он остается в проблемном поле желания верить и невозможности этого, о чем свидетельствует пронизывающая все текстовые уровни амбивалентность платоновской поэтики 30-х гг.

В романе создан образ «мировой души», преодолевающей разобщенность между человечеством и мирозданием, в данном случае это Москва Честнова. Подобно «мировой душе», Москва моделируется как существо принципиально амбивалентное, сочетающее в себе противоположные начала хаоса и космоса, добра и зла, созидания и разрушения. Нисхождение судьбы героини, ведущее ее с небесных высот до подземелья, обозначает дискредитацию того утопического комплекса, носителем которого она является, однако содержащаяся в ней и сохраняющаяся до конца амбивалентность образа свидетельствует о том, что Москва Честнова не может интерпретироваться только как разоблачение утопии,

а, скорее всего, служит знаком противоречивого отношения писателя к утопическому проекту социализма в целом и своим прежним утопическим идеалам в частности [151. С. 251].

Сложившееся мировоззрение писателя базируется на вере в возможность человека с помощью своего разума и достижений науки преобразить человеческое и всеобщее бытие, преодолеть законы природы и достичь бессмертия. Хотя в последней фазе творчества эти взгляды стали объектом критического переосмысления. Эти проблемы всегда ставились Платоновым в контексте социализма, который воспринимался им не столько в качестве общественно-политической категории, сколько в качестве онтологического переворота, направленного на пересоздание основ бытия и вывод человека в более совершенное и истинное существование. На примере героев «Счастливой Москвы» предыдущие взгляды писателя получают гротескные черты, обнаруживающие их абсурдность, что позволяет Платонову дистанцироваться от позиции своих героев и идеалов, дискредитированных еще в произведениях конца 20-х гг.

В 40-х гг. Платонов уходит от влияний А.А.Богданова, Ф.Ницше, В.В.Розанова и Г.В.Ф.Гегеля, окончательно приняв древнюю формулировку самовоплощения для человека «ты — еси» и синтетическую идею федоровского «общего дела», выявляемую в лозунге «смерти нет!» (особенно в военных рассказах). Наравне с явным интересом к конкретным людям писатель уже целиком присоединился как к официальному пониманию задач и целей большевистского государства, так и к его нормативной поэтике.

Утопические и идеологические темы уступают вопросам частной человеческой жизни. Сущность человека раскрывается через экзистенциалы, то есть структурные определители целостного человеческого опыта. Образ человека раскрывается в единстве внутреннего и внешнего мира.

Об амбивалентной направленности творческих усилий Платонова в этот последний период лучше всего, пожалуй, свидетельствуют концовки его сказочных произведений: если в «Неизвестном цветке» девочка Даша еще чувствует пантеистическое родство с погибшим растением, то в «Разноцветной бабочке» после смерти матери «Тимоша остался жить один на земле», а в последней фразе «Путешествия воробья» прямо читается, что «не все

может выразить музыка, и последним средством жизни и страдания остается сам человек» [1. С. 263].

Душа, любовь, отдельный человек, умение существовать в реальности, какой бы она не была, — это и есть гармония. Объективный смысл художественного творчества Платонова этого периода заключается в следующем: *человеку нужна социальная и моральная гармония*, не игнорирующая локальную дисгармонию, не примиряющая с индивидуальными страданиями человека, а исключая детские слезы, насилие, угнетение, тотальный контроль.

Этот период — время выработки своей логики и отказа от построения универсальных конструкций. Девиз «Идти по людям» принимается как новая творческая стратегия. Человек находится и в практическом, и в ценностном отношении и к миру, и к самому себе.

Причем модифицируется не только человеческая природа (сущность) в целом, но в этом процессе участвуют и ее субстрат (то, что обозначается словами «я», «мы», «он», «она» и «они»), и ее отдельные атрибуты — сущностные силы человека (труд, мышление, общение, способности, потребности и т.д.). Процесс исторической модификации сущности человека носит объективный характер, и поэтому совершается независимо от утопических проектов выведения того или иного «нового типа» человека.

В последние годы жизни Платонов в связи со сложившейся в стране ситуацией вынужден уйти в мир детства, что позволило писателю выразить свои взгляды на жизнь. Рассказы, где чувствуют и действуют дети, помещают читателя в атмосферу незамутненного лиризма и тонкой философичности. Детские души Платонова оказались наиболее полными выразителями его мировоззрения, его «идеи жизни».

Итак, все развитие Платонова, его отказы и уступки, сомнения и новые понимания не отменяют заветных констант его взгляда на мир и человека. Хотя, как справедливо отмечает С.Г.Семенова, «...тоталитарно-социальный порядок все туже стягивал естественные ткани человеческой жизни, травмируя и омертвляя их. Ни о каком настоящем преображении природы человека и мира уже не было и речи, такие идеалы и задачи вообще не вошли в круг понятий эпохи строительства социализма. Что касается Платонова,

то в нем эти идеалы залегли на дно несвоевременных, непонятых и непонятных, таимых убеждений и чаяний, продолжавших питать многие образы и мотивы странного-упорного, обочинного, юродивого творца. Но важным стало — спасти нормальный, натуральный уклад жизни от утверждавшегося царства противоестественности, насилия, усиленной смертности» [132. С. 180].

«Идея жизни», по мнению писателя, принадлежала «спасителям Вселенной» — детям. Конечно, уход в мир детства был своего рода умалением творческой палитры писателя под чудовищным прессом его радикального неприятия эпохой, но зато не предательством. Ибо случилось так, что нигде в такой чистоте и насыщенности, как в детских рассказах, где в незамысловатых сюжетах и диалогах Платонов ставил свои постоянные проблемы: смерти и бессмертия, дарового и трудового, истины и блага, самосознания, зла, высшей цели, — не явился совершенно естественно тот безусловный последний остаток его заветных верований и чаяний, который устоял под шквалом не столько внешней, сколько собственной внутренней критики [132. С. 185].

Таким образом, рассмотренные аспекты творчества Платонова отражают основные положения русской и религиозной философии, научной мысли эпохи и позволяют определить проблемное поле философских взглядов писателя, очертить его границы и определить направления исследования проблемы человека.

Именно человек и его существование являются сквозной и фундаментальной проблемой всего творческого наследия писателя. Через человека раскрываются метафизические, гносеологические, этические и социальные взгляды Платонова, тема человека — своеобразное окно в философский мир русского мыслителя. Однако антропологическая направленность универсальна — автор не выделяет учение о человеке в отдельную область. Поэтому человек изображается не столько как природное существо, сколько как духовный опыт личности, смысл индивидуального и коллективного бытия. Размышления о человеке, его жизни, смерти и бессмертии понималось Платоновым как непосредственный опыт человеческого бытия, а не как некое общее знание о человеке в завершённом виде.

Система Платонова состоит из следующих философских мотивов, на которых мы и остановились в данном исследовании:

поиск праясновы бытия, победа разума, техники над природой, построение новой вселенной, проблемы смерти и бессмертия, сознания и познания, вещественности мира и, главное, проблемы сущности и существования человека.

Одно из первых мест занимают метафизические взгляды, которые раскрываются в сопоставлении мира человека и природы. Следует отметить, что именно онтологические искания, с одной стороны, тесно связаны с практической гносеологией, а с другой — проецируют антропологическую и этическую проблематику у Платонова. В связи с этим в формулировках ракурса художественно-философского мировоззрения писателя метафизическая картина мира преобладает, особенно в первой и, отчасти, во второй фазе творчества. Однако в начале 30-х гг. для писателя характерно пристальное внимание к исследованию «вещественности мира», что позволяет говорить об антропоморфном гилозоизме. В последней фазе творчества на первый план выдвинуты экзистенциальные проблемы человека, свидетельствующие об антропологической доминанте в творческих исканиях Платонова.

Проблемное поле художественно-философской ткани текстов Платонова пропитано различными идеями, которые на разных этапах творчества отражали как неизменные, так и меняющиеся начала его исканий: к неизменным относится ориентация на сущность человека, а к меняющимся — отношение к утопическим проектам пересоздания мира, роли и места человека в этих процессах.

Особо надо отметить основное значение в построениях Платонова понятий общества, индивида, коллектива. Выстраивая субординацию этих категорий, мы в последующих главах попытаемся выявить место человека в системе социальных связей. Следующим, самостоятельным источником философского творчества Платонова, неразрывно связанным с проблемой социального, является необычайно острое ощущение отчуждения. Перечисленные аспекты свидетельствуют о достаточно широком спектре интересов писателя и отражают философскую направленность всего наследия Платонова.

Глава 2

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МИР А.П.ПЛАТОНОВА И МЕСТО В НЕМ ЧЕЛОВЕКА

Проблемы человека, поиск места человека в мире, отношения человека с человеком, познание себя и окружающего, поиск истины и добра являются ровесницами цивилизации. Любой автор является своеобразным исследователем человека, так как создавая произведения, изучает человеческую природу и человеческое бытие. «Человек загадочен, — отмечает П.С.Гуревич, — он представляет собой некую тайну. Без ощущения этой непостижимости человеку трудно обрести путеводную нить в философско-антропологическом размышлении. Ни религия, ни наука, ни философия не в состоянии без остатка раскрыть эту тайну. Ведь мы имеем дело с поразительным созданием универсума, с неисчерпаемым миром человеческой субъективности, который обладает текучестью, постоянно преобразуется и вообще не поддается регулированию» [156. С. 5].

Тем не менее, тема человека всегда являлась и будет являться одной из самых актуальных как в узкоприкладных науках, так и в мировой культуре в целом. Особенно уместным в решении этой проблемы нам представляется исследование концепции человека у Платонова, поскольку человек является окном одновременно и в платоновскую метафизику, и в гносеологические искания, а также, безусловно, раскрывает специфику социальных связей и отношений.

В философии термином «человек», как правило, обозначается не просто отдельный индивид, но родовое существо, то есть имеются в виду и все люди вместе, и каждый индивид как носитель родовых черт. Именно в данном смысле термин «человек» будет подвергаться всестороннему анализу в творчестве А.П.Платонова.

Следует отметить, что в произведениях писателя невозможно однозначно определить человека как сознательное или инстинктивное, доброе или злое, биологическое или надприродное существо. Писатель задумывается над двойственным, промежуточным положением человека в мире по отношению к природе и социуму.

Что в большей степени влияет на него — природная основа (субстрат) или общественные отношения?

В разные периоды творчества представления по этой проблематике у писателя менялись. Например, для первой фазы творчества характерно вхождение субъекта в объект, определяющее восприятие человека как вещество, неотъемлемую, определяющую часть природы. В своих записных книжках Платонов отмечает: «Вульгарное мировоззрение предполагает жизнь как комбинацию биологических процессов: то есть “человек” в собственном смысле есть как бы результат отношения, взаимодействия этих сил, — человек есть отношение. Правильно наполовину. На вторую половину человек есть и само вещество, “материализм”, входящие в биокombинации. Отсюда, и только отсюда, что человек — само вещество, а не только отношение, и можно вывести великое, генеральное следствие, что для человека еще открыта дверь в последний тайник природы. Если же человек только “отношение”, “комбинация” и так далее — та дверь закрыта навсегда» [1. С. 506]. В этих рассуждениях очевидна дань теориям о биологическом начале в человеке, доминирующем над другими сферами жизнедеятельности.

Однако в последующие периоды автор подчеркивает некоторую односторонность этих рассуждений, отмечая, что человек буквально соткан из внутренних, сущностных противоречий. Ведь сущность человека нельзя трактовать ни как «абстракт, присутствующий отдельному индивиду», ни как «ансамбль общественных отношений» [105. С. 143—145]. Эрих Фромм отмечает, что человек — не вещь, а живое существо, которое «можно понять только в длительном процессе его развития. В любой миг своей жизни он еще не является тем, чем может стать и чем он, возможно, еще и станет. Человеку нельзя дать такое определение, как столу или часам, и все же определение этой сущности нельзя считать полностью невозможным» [148. С. 381]. Действительно, указанная трудность вовсе не говорит о том, что человек не имеет сущности, это всего лишь свидетельство о невозможности определить ее через ту или иную наличную совокупность свойств и отношений.

В марксистской философии существует принципиально иной способ определения сущности человека — через способ его существования, ибо только в существовании сущность проявляет

и реализует себя. Наиболее емкое определение сущности человека дано В.В.Орловым и Т.С.Васильевой: «Сущность человека заключается в том, что это существо, производящее свое собственное бытие и сущность» [106. С. 47].

Так же необходимо учитывать фактор исторического развития сущности человека. Крах иллюзии о наличии неизменной человеческой природы очевиден. Ни один предмет в мире не обладает неизменной сущностью. Любой предмет может изменять свои внутренние существенные характеристики в достаточно широких пределах, оставаясь при этом самим собой, не превращаясь в другой предмет, сохраняя свою наиболее общую сущность в той или иной ее модификации. Карл Маркс как-то заметил (и это высказывание можно считать определением предмета философской антропологии): «...мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [98. С. 623]. Эрих Фромм указывает на то, что понятие человека у Маркса базируется на философии Гегеля, а корни находятся в этической системе Спинозы (восприятие человека как активного, обладающего волей, свободой и творческим потенциалом).

Своеобразие антропологических взглядов Маркса заключается в следующих аспектах: во-первых, отсутствие сверхъестественного начала. Человек ответственен перед миром за свои поступки. Человек, по мнению философа, — это мир человека, его мирность и всемирность. Во-вторых, переосмысление основ человеческой субъективности. Субъективность заключается не в разумности и сознательности, а в предметно-чувственной, природообразующей, материально-продуктивной активности, а именно — в жизнедеятельности. Сущностные силы — это производительные силы, а форма существования — труд. В-третьих, историко-материальная трактовка общественных отношений, где бытие определяет сознание.

В современных исследованиях, в частности у К.Н.Любутина, указывается, что «диалектико-материалистическому подходу к человеку как субъекту чужда односторонность — абсолютизация субстратного и сущностного моментов. Оба они охватываются, как нам представляется, понятием “человеческая природа”» [88. С. 172]. Действительно, субстрат — не застывшая форма, он

способен к эволюции, которая осуществляется благодаря изменениям и развитию материальных производственных сил и производственных отношений.

Данное восприятие человека, безусловно, нашло отражение в творчестве Платонова, который приходит к мысли о том, что в человеке не может доминировать биологическое или социальное, но единством взаимодействия и взаимосвязи этих уровней является социальность. Поэтому для исследования человека требуется комплексный подход, включающий философско-социологический анализ сущности и субстрата.

Однако, как мы уже отмечали в предыдущей главе, антропологическая тема у русского мыслителя универсальна — автор не выделяет учение о человеке в отдельную область. В центре произведений человек изображается не столько как природное существо, сколько как духовный опыт личности, смысл индивидуального и коллективного бытия.

Проблемы жизни, смерти и бессмертия человека понимались Платоновым как непосредственный опыт человеческого бытия, а не как некое общее знание о человеке в завершённом виде. Такое видение антропологической проблематики характерно для русской философии. В ней никогда не пытались выделить учение о человеке в отдельную область, хотя проблема человека всегда была главной [118. С. 3]. Заметное отличие русской философии от западной проявляется также в ее религиозной окрашенности. Этическая направленность русской философии, обращенность к конкретной социальной и духовной практике, постоянное стремление проверить достоверность и правомерность этической теории самым опытом истории и судьбой народа приводили к постоянной рефлексии над конкретной ситуацией. Основные мотивы русской философии воспроизведены писателем — это аскетичность русского православия, соборность, универсальность личности, социальный активизм.

Во взаимодействии человека и природы раскрываются метафизические взгляды писателя. Мы уже отмечали, что одной из отличительных черт творчества писателя является интерес к онтологическим, «натурфилософским» проблемам. Л.Е.Моторина подчеркивает: «Ощущение причастности сознательного существа космическому бытию, мысль о человеке как микрокосмосе, в

стяжном виде вместившем в себя все природные, космические силы и энергии, проходят через мировую культуру, как восточную, так и западную» [101. С. 29]. Именно в таком ракурсе ставятся проблемы человека и природы в художественно-философском мире А.П.Платонова.

Многие исследователи не без оснований считают Платонова писателем космической направленности. Глубинное натурфилософское мировидение сближает творческие искания Платонова с взглядами философов-космистов В.С.Соловьева, Н.Ф.Федорова, П.А.Флоренского, А.Л.Чижевского, К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского, несмотря на то что для В.С.Соловьева и Н.Ф.Федорова преобразование окружающей действительности осуществлялось в христианской традиции, для А.Платонова — в социально-утопической.

Н.А.Бердяев отмечает в русской философии направленность на «космоцентризм, узревающий божественные энергии в тварном мире, обращенные к преображению мира» и «антропоцентризм, ...обращенный к активности человека в природе и обществе» [15. С. 235]. Русский писатель перенимает идею об активной эволюции, которую понимает как необходимость нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство. Напомним, что идея марксизма, революционного преобразования мира Платоновым воспринимается именно как активная эволюция. С самого начала творчества писателя отличает не только абстрактный космизм, но и стремление перевести глобальные задачи в практическую плоскость.

В аспекте изучения платоновской концепции человека принципиальное значение приобретает вопрос о сущности окружающего мира и месте в нем человека. Константой всех платоновских произведений становится борьба человека с несовершенством природы. Природа Платоновым понимается предельно широко — как все существующее, весь мир во всем бесконечном многообразии его форм, объективная реальность, которая существует вне и независимо от человеческого сознания. Природа — это система мироздания, универсум, материально-телесная основа существования человечества и отдельной личности [166. С. 68]. Синонимами природы являются такие понятия, как материя, универсум,

Вселенная. *Природа может выступать как принцип бытия.* Такое восприятие природы указывает на связь социальных и нравственных вопросов с онтологическими и гносеологическими.

Природа, обладая рядом несовершенств, лишает человека возможности самому быть совершенным. Поэтому и в публицистике и в художественном творчестве писатель пишет о наступлении «царства сознания»: «Против враждебного космоса — труд, сознание и машина» — вот отношение молодого писателя к данной проблематике [1. С. 56]. Организованное общество и до предела рациональный и стандартизированный человек — таково воплощение эстетического идеала Платонова тех лет. Его человек — это абстрактный родовой человек, властелин природы, покоритель враждебных стихий [113. С. 5].

В одной из ранних статей он пишет: «Уничтожить личность и родить ее смертью новое живое мощное существо — общество, коллектив, единый организм с одним кулаком против природы» [1. С. 78]. Прямо противоположные мысли он высказывает примерно в то же время в одном из писем в издательство: «Есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого “всякому дыханию”, траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле» [1. С. 487]. Позднее ощущение единства с природой осознается яснее и глубже: «Природа, — говорит он устами своего героя Сарториуса, — все, что потоком мысли шло в уме, что гнало сердце вперед и открывалось перед взором всегда незнакомо и первоначально» [23. С. 27]. Речь идет уже об укорененности в природе всего человеческого существа, включая и его мысль: «Он (Сарториус. — *Н.П.*) хотел открыть в самом течении человеческого сознания мысль, работающую в резонанс природы и отражающую поэтому всю ее истину — хотя бы в силу живой случайности» [23. С. 2].

С одной стороны, человек и природа едины, а с другой — противопоставлены друг другу. На протяжении многих веков формировались представления об отношениях между человеком и природой. Взаимодействие этих компонентов порождает двойственность положения человека в природе. Человек является и неотъемлемой частью природы, и противопоставляет себя природе своей деятельностью.

На раннем этапе творчества Платонов подчеркивает эту двойственность. Ведь повседневная деятельность, материальная необходимость соединяет человека с природой, они сосуществуют вместе, обмениваются результатами, «плодами» своей деятельности, но в результате этой деятельности человек выделяется из мира природы, так как законы существования в природе не совпадают с человеческой сущностью, что позволяет человеку поставить себя над природой. Герои ранних рассказов Платонова наглядно иллюстрируют эту мысль. Человек — существо промежуточное, далеко несовершенное, но вместе с тем сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу. Речь идет об управлении духом материи, об одухотворении мира и человека.

Но для того, чтобы поставить человека выше природы, необходимо определить его место и роль. Такую возможность дает сознание. Вселенная, Космос устроены так, чтобы человек мог их осмыслить и усвоить. Знать устройство мира, «вещество существования» для Платонова крайне важно, так как именно онтологические и гносеологические основания проецируются на нравственные и социальные аспекты существования самого человека.

Человеку также необходимо узнать, как устроен Космос, для того чтобы узнать себя. Человек, раскрывая тайны природы, познает самого себя, соотносится в природе с самим собой. Влияние на познание природы оказывают также социальные условия, внутри которых осуществляется процесс познания, то есть для Платонова вопрос о взаимоотношениях человека и природы не только технический и познавательный, а прежде всего социальный, содержание которого выражает общественные условия человеческой деятельности. Реальные люди в их общественной жизни определяют отношение к природе. Философы отмечают, что особо остро проблема взаимоотношения человека и природы встает в переломные моменты истории, в момент перехода к новым общественным отношениям.

Также отличительной чертой платоновского космизма является ощущение единства себя и мира: и человек, и животные, и растения, и вся остальная природа, и сама вселенная — все охвачено единым ритмом жизни. Это чувство всепроникающей связи и есть подлинный источник творчества человека, творчества как

«элемента связи» между людьми. Представлению Платонова о гармоническом существовании, единстве человека и остального космоса соответствует соловьевская концепция «богочеловечества», абсолютного единства, которое противостоит хаосу, а чаемый платоновскими героями коммунизм, по сути, представляет собой реализацию соловьевской идеи «всеединства»: в платоновской концепции именно коммунизм является тем «окончательным фазисом исторического развития», когда образуется «всецелая жизненная организация», «цельная жизнь» человечества, отвечающая на запросы чувства, мысли и воли.

Эти представления обнаруживают сходство также с философией А.А.Богданова и А.В.Луначарского, центральная идея которой «о превращении человечества в единый сверхорганизм, сливающийся в одно целое со вселенной» была заимствована Платоновым.

То, что мир «скоординирован», Платонову было ясно уже на первом этапе творчества. Это видно из «Автобиографического письма» 1922 г.: «Между лопухом, побирушкой, полевою песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогающим землю, — есть связь, родство, на тех и других одно родимое пятно. Какое — не знаю до сих пор, но знаю, жалостный пахарь завтра же сядет на паровоз и будет так орудовать регулятором, таким хозяином стоять, что его не узнать. Рост травы и вихрь пара требуют равных механиков. И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно мое сердце» [1. С. 488].

Для более глубокого понимания окружающего мира Платонов разбивает мир на неопределенное количество отрезков, что приводит к дискретности художественного мира автора. Каждый отрезок существования человека неоднозначен, герои пытаются найти гармонию с природой либо сливаясь с ней, либо через противопоставление. Естественно возникает конфликт. В первой фазе творчества Платонов иллюстрирует этот конфликт на примерах двух типов героев.

К первому типу относятся те герои, которые сливаются с природой, как правило, они лишены научного сознания, природа для

них данность. В самом начале романа «Чевенгур» мы встречаем героя, о котором сказано так: «Родившись, он удивился и так прожил до старости с голубыми глазами на моложавом лице... У Бобыля только передвигалось удивление с одной вещи на другую, но в сознание ничего не превращалось. Вместо ума он жил чувством доверчивого уважения... В каждой простоте видел дивное дело и руки не мог ни на что поднять, чтобы что-нибудь не испортить: только грибы рвал, и то находить их не умел; так и умер, ни в чем не повредив природы» [1. С. 7, 9]. Герои видят в природе тайну (не технический секрет!) и относятся к ней как к чуду, с благоговейным доверием и любопытством. С такими чувствами бродил по земле и старик Юшка. Он «целовал цветы, гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво и долго вглядывался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим» [1. С. 108].

В компанию «природных мыслителей» можно включить и «сокровенного человека» Пухова. Сам себя он называет «человеком облегченного типа», «природным дураком». Свою истину он находил без усилий и не думая о ней. Пухов чувствовал ее в «телесной прелести», какую доставляло ему движение по земле: «Ветер тормозил Пухова, как живые руки большого неизвестного тела, открывающего страннику свою девственность и не дающего ее... Эта супружеская любовь цельной непорочной земли возбуждала в Пухове хозяйские чувства. Он с домовитой нежностью оглядывал принадлежности природы и находил все уместным и живущим по существу... Впечатления так густо затемняли сознание Пухова, что там не оставалось силы для собственного разумного размышления» [1. С. 363—364, 368].

Все эти герои хотят слиться не только с веществом природы — с водой, землей, ветром, с «рассеянными на дорогах силами», но и с ее порядком — они хотят быть похожими на стихию своим непреднамеренно-вольным образом жизни. Таков неожиданный уход Никиты от своей любимой жены в бродяжничество («Река Потудань»). Увязавшись за каким-то нищим, Никита вскоре отстал от него, потому что «у нищего были свои соображения, у Никиты их не было» [1. С. 199].

Тут чувствуется знакомое по образу Бобыля полемическое заострение против всяческого целеполагания: как бы чего не повредить.

Сюжеты, повествующие об этих героях, сбываются как сама стихия, они спонтанны. В них много пожаров, болезней, смертей и других неожиданностей.

Идея, которая движет автором в создании таких образов, сформулирована в трактате «О любви»: «Жизнь пока еще мудрее и глубже всякой мысли, стихия неимоверно сильнее сознания... Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама эта чудесная бессмертная жизнь» [1. С. 403].

Глубинное чувство бытия, доверие к окружающему миру, уважение его само-бытности («чем он сам хочет быть») — одно из любимых умонастроений А.Платонова, которое он передоверяет героям. В какой-то мере выражением этой ситуации и была идея онтологической гносеологии, разрабатывавшаяся в трудах русских космистов: теориях «онтологической любви» и «культы» П.А.Флоренского, «абсолютного мифа» А.Ф.Лосева, «живого знания» С.Л.Франка, «гносеологической координации» Н.О.Лосского. Лосский, как бы конкретизируя «Всеединое Сущее» В.С.Соловьева, вводит категорию «субстанциальных деятелей». Так он называет всю совокупность творческих сил-сущностей, имманентно связанных между собой, что делает возможным их интуитивное взаимопостижение. В субстанциальных деятелях заключена энергия бытия, они — ее носители и источники всех жизненных процессов.

Второй тип — это герои технического склада, они обнаруживают в мире сильнейший диссонанс, поскольку существует разлад научной мысли с действительностью. Они пытаются подчинить природу нуждам человека. Как правило, они образованы, им многое удается, их жизненные цели четки и ясны, но их преимущества оборачиваются их слабостью. Ломается супермашина Маркуна («Маркун»), неудачей заканчивается строительство системы шлюзов у инженера Перри («Епифанские шлюзы»), пропадает без вести (как это становится известным из другого произведения) «покоритель Вселенной» Андрей Вогулов, гибнут изобретатели Попов, отец и сын Кирпичниковы («Эфирный тракт») и т.д.

Уже в «Эфирном тракте» Платонов показывает, что самое главное — это не глобальное переустройство мира, а «обдумывание» окружающей действительности. «Только бродя по земле, — рассуждает про себя герой повести, — под разными лучами солнца

и над разными недрами, я способен думать... Нужны внешние силы для возбуждения мыслей. Эти силы рассеяны по земным дограм, их надо искать и под них подставлять голову и тело, как под ливни» [1. С. 219].

Человеческая деятельность должна естественно вплестаться в жизнь вещей, которые сами выводились из объективированных условий и определений человеческой деятельности. Платонов делает вывод: лишив само-бытия природу, он покушается и на само-бытие человека. То, от чего предостерегал Кант в своем категорическом императиве — «не относись к человеку как к средству» — становится реальным фактом. Теряя природу, люди неизбежно теряют и друг друга: участь вещей, униженных до полезности, угрожает и им самим.

Природа перед наукой выступает, с одной стороны, как объект познания, а с другой стороны, как технический материал, объект производственной эксплуатации. Это веяние времени, людей нужно было кормить, поить, одевать, а помочь в этом должна была природа как материал и мысль человека как инструмент.

То, что человек видит в природе, зависит от него самого, от его способностей и желаний. Мера, которую человек прилагает к природе, зависит от его личной меры, которая формируется и диктуется социальными условиями. Эпоха требовала масштабных, глобальных преобразований в природе, но Платонов подчеркивает необходимость сознательной регуляции, роль сознания должна быть активной и определяющей. В публицистических статьях автор отмечает: «...близко то время, когда сознание окончательно задавит всякое чувство в человеке и пол главным образом. Водворение царства сознания на месте теперешнего царства чувств — вот смысл приближающегося будущего» [1. С. 389].

Природа должна изучаться, осваиваться при помощи сознания, идей, реализовать которые помогает техника. В публицистических статьях 20-х гг. Платонов высказывал идеи о победе сознания над природой и миром. Приведем для примера несколько цитат: «В человеке мысль достигла своего расцвета, высшей силы и совершенства. Этот новый орган жизни требует себе соответствия, равновесия с миром. Если чувства, которые гораздо древнее мысли, уже нашли общую, уравнивающую их в мире, точку в форме наслаждения, то мысль еще не твердо стоит в мире, так

сказать не сбалансирована с природой, и от этого происходит всякая мука, отравы и порча жизни» [1. С. 455]. «Наша борьба — это не схватка страстей, какими раньше были все воины, а схватка умов». «Мы теперь должны бить буржуазию не кулаком, а мозгом» [1. С. 460].

Сознательное освоение природы приводит и к изменению сознания человека, это меняет его жизненный уклад и духовные ценности. У Платонова в «Песчаной учительнице» и «Ювенильном море» такое изменение происходит со знаком плюс.

Однако желание «иметь» как можно больше ведет к проблеме «быть», то есть жить вне зависимости от того, что человек имеет, — по Платонову это должен быть коммунизм, равноправие, которое все не наступает. Проблема «быть» становится главной и неразрешимой. Решить эти проблемы может человек новой формации, который должен получиться в результате технического преобразования окружающего мира и общественного устройства.

Человек при помощи сознания отделяет себя от мира природы. Сознание — это связь внешнего мира с внутренним миром человека, то есть сознание обнаруживает замкнутое существование вне окружающего мира и подчеркивает двойственность человека. Эта двойственность вскрывает проблемы человека, *происходит поиск единства через природу и общество, а посредником выступает техника*. Человек при помощи техники расширяет и изменяет как мир природы, так и мир общества. Мы остановимся на проблемах соотношения природы и техники, при помощи которых автор пытается решить проблемы самого человека.

В рассказе «Звездная пустыня» автор высказывает мысль о том, что человеку необходимо либо слиться с красотой мира, либо уничтожить ее, стоять рядом нельзя. В одном из своих писем 1934 г. Платонов пишет: «Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы, всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей действительности». «Наука, — продолжает свои рассуждения писатель, — родилась в тот момент, когда человек почувствовал себя отделенным от вселенной, когда природа извергла из себя это существо и человек снова захотел слиться с ней для своего спасения» [1. С. 537]. «Электричество есть дверь и ключ от этой двери, ведущей человека в новую природу, без ужаса, без

случая, без стихий, — ограниченную и использованную человеком в силе, пространстве и времени. Ибо коммунизм создается только невероятным нажимом на природу, коренной реконструкцией ее» [1. С. 500]. Все эти цитаты подчеркивают, что мыслитель надеялся на научно-техническое освоение мира, все эти идеи были художественно реализованы им. Перед Платоновым встал один важный вопрос — возможна ли гармония между техникой и человеком?

У Платонова герой порой сливается с ней и только тогда они достигают определенного результата. Так происходит в «Родине электричества», «Ювенильном море». Если у Платонова техника выступает в роли инструмента, то это ведет к благоприятным результатам, а если деятельность направлена на покорение, подчинение природы — к разрушению.

Техника может одухотворять, поэтизировать, выступать неким символом бытия. По Платонову техника совершенна, она разумна, это своего рода идеал, к которому должен стремиться человек, но это и есть некий уход от реальности. Ведь многие герои свою тоску, одиночество, боль заглушают в технике, именно через технику пытаются решить все эти проблемы. Техника может помочь человеку стать более совершенным (быстрым, высоким, сильным, знаменитым), поэтому герои прячутся в мире техники.

Но последствия использования техники могут быть отрицательными, она ослабляет человека, не решает его проблем, укорачивает жизнь, мешает реальности. Поэтому Платонов подчеркивает, что техника — это подмена бытия, не подлинное бытие и не панацея от всех бед (в частности в рассказах, «Маркун», «Потомки солнца»). Для раннего периода характерно техническое отношение к природе. При подмене подлинного бытия техникой или наукой (эти понятия могут быть синонимичными в том случае, когда употребляются в значении средств переустройства чего-либо) человек гибнет, разрушается как личность и в духовном и в физическом плане. В результате такой подмены мир техники противопоставляется миру человека. Платонов пытается найти гармонию, тот элемент, который свяжет два мира. Активную позицию должен занимать человек, поскольку он обладает сознанием и силой мысли, и значит регулировать взаимодействия человека и техники должен именно он.

Но кроме сознания у человека есть Душа, которая формирует меру приложения человека к природе. Слияние души и сознания начинается с «Чевенгура» (у Дванова, Копенкина любовь и идея коммунизма сливаются). В «Котловане» Вошев сочетает в себе возможность жить в единстве с природой и способность научно мыслить. В отличие от Юшки, он более «задумчив», ведь главное — узнать смысл жизни и истину. «Он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться. Вошев, истомившись размышлением, лег в пыльные проезжие травы». Отдохнув на земной груди от размышлений, он снова шел по дороге, но «как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать» [12. С. 7—8], снова изнемогал. Вошев искал истину везде, в природе, технике, мысли, науке, но нашел лишь тогда, когда, послушный своему живому чувству, подошел и прикоснулся к умершей Насте. Ему «стало ясно на свете», и он понял, что истина — это «радость и движение», которые могли быть в этом «маленьком верном» человеке, в ее «детском чувстве и убежденном впечатлении» [12. С. 113].

Душа другого человека — вот смысл, который не нашел в этом мире Вогулов и жестоко отомстил за это миру. Герои совершают дела, идущие от сердца, а не от головы, — спасение народа Джан Назаром Чагатаевым («Джан»), подвижническая работа «песчаной учительницы» Марии Нарышкиной («Песчаная учительница») и другие. Они находят надежную и прочную опору в человеческом сочувствии и благодарности и тем самым становятся более устойчивыми к жизненным испытаниям. Душа, считает Платонов, глубже воспетого им в молодости сознания.

В 30—40-х гг. в творчестве Платонова душа и сознание меняются местами, в текстах усиливается лиризм, героями становятся не зараженные идеей преобразования люди, а персонажи, которые живут больше чувствами и душой — Фро, Никита, Назар Фомин. Любовь, а не идея становится главным способом постижения мира. Платонов все дальше уходит от сознания. Возможно, это происходило не без объективной причины — произошло крушение его мечты о пролетарском «царстве сознания», что ярко засвидетельствовано в «Чевенгуре» и «Котловане». Но более вероятным представляется естественное развитие его космического мировоззрения.

Герои живут своим любимым, и это раскрывает перед ними мир во всей его многокрасочной полноте: «Она (Афродита, героиня одноименного рассказа. — *Н.П.*) засмотрелась на небо, полное греющего тепла, покрытое живыми следами исчезающего солнца, словно там находилось счастье, которое было сделано природой из всех своих чистых сил, чтобы счастье от нее снаружи проникло внутрь человека» [1. С. 140].

У героев Платонова возникают душевные состояния, которые можно охарактеризовать словами С.Л.Франка как «радостно-любовная солидарность со всем сущим» [146. С. 396]. Герой рассказа «Афродита» испытывает это чувство, казалось, в самый неподходящий момент: «После пожара и утраты Афродиты (сгорела построенная Фоминым электростанция, Афродита ушла к другому мужчине. — *Н.П.*) Назар Фомин понял, что всеобщее блаженство и наслаждение жизнью, как он их представлял дотоле, есть ложная мечта и не в том состоит истина человека и его действительное блаженство». Назар Фомин открывает величие мира («его нельзя обозреть ни в душе человека, ни в простом пространстве») и свое родство с его «таинственной бесконечностью» [1. Т. 3. С. 197].

В романе «Счастливая Москва» жизнь героев и ее постижение происходят одновременно. Подлинное знание приходит к ним исключительно через их поступки и непосредственные переживания своего существования: «Самбикин чувствовал мировую внешнюю материю как раздражение собственной кожи. Он следил за всемирным течением событий день и ночь, и ум его жил в страхе своей ответственности за безумную судьбу вещества» [23. С. 18].

Таких примеров напряженного душевного труда, «пограничной активности» (выражение П.А.Флоренского), в результате которой человеческому сознанию приоткрывались глубины бытия, в романе множество. Особое место среди этих «актов» духовной работы принадлежит любви. Любовь в романе «Счастливая Москва», как и в рассказах «Фро» и «Афродита», не в последнюю очередь интересует автора с ее гносеологической стороны. Посредством ее осуществляется более органичная и интимная связь человека с миром, открывается сама «непостижимая металогическая реальность», первичное ее знание, «немое, молчащее, неслезанное», по отношению к которому все «понятия — лишь некоторые

застывшие, частичные, никогда не связанные сполна между собой осадки этой живой реальности» [146. С. 230].

Жизнь, к сожалению, разводит эти два знания — глубинное онтологическое понимание любви и способность находить ее во внешнем мире, — которым самой природой назначено быть одним целым. Платонов показывает это в эпизоде удивительной художественной точности: «Он сидел один над той же задачей, над которой думал некогда Архимед... Сарториус покрывал целые полосы бумаги расчетами призм, рычагов, деформационных напряжений, себестоимостью материала и прочими данными. Вдруг слезы самостоятельно выходили из его глаз и текли по лицу, так что Сарториус удивлялся этому явлению; в глубине его тела жило что-то, как отдельное животное и молча плакало, не интересуясь весомой промышленностью» [23. С. 31].

Таким образом, соотношение человека и природы демонстрирует натурфилософские взгляды писателя, которые сближают его как со взглядами В.С.Соловьева, С.Н.Булгакова, Н.Ф.Федорова, так и с концепциями А.А.Богданова, А.В.Луначарского. Окружающий мир воспринимается как целостный организм, а человеку отводится роль активного преобразователя. В своей основе эта мысль доминирует на протяжении всего творчества писателя, но если на начальных этапах изменения мыслятся в социально-утопическом русле, то на более поздних этапах как нравственное совершенствование каждой личности. Научное познание, построение идеального гармоничного общества требует внести четкие нравственные критерии. Высшим благом может быть только жизнь, причем жизнь в ее духовном направлении, жизнь личностная, сохранение, продление и развитие ее.

В творческой эволюции писателя восприятие человека базируется на мысли о том, что в человеке не может доминировать биологическое или социальное, но единством взаимодействия и взаимосвязи этих уровней является социальность. Поэтому для решения проблем человека требуется комплексный подход, включающий философско-социологический анализ сущности и сублистрата.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА А.П.ПЛАТОНОВА

§ 1. Индивид и коллектив

Как показано в предыдущей главе, одной из центральных проблем творческих исканий Платонова является определение места человека в мире. Раскрыть данную проблематику писатель пытается не только в соотношении человека и природы, но и в детерминированности человека и общества. Тем более, что начало XX в. в России характеризуется восприятием личности в совокупности с коллективом, обществом, местоимение «мы» употребляется гораздо чаще, чем «я». «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз», — писал Маяковский в 1924 г. «Никакое “я” по прямой линии не выражается в личности, а в градации личностей, из которых каждая имеет свою роль», — отмечал А.Белый.

Как взаимосвязаны индивид и коллектив, как выяснить субординацию «Я» и «Мы»? Может ли быть счастлив человек? Как воспринимать счастье: как индивидуальное самодостаточное существование или сквозь призму коллективного? Весь этот спектр проблем становится весьма актуальным как в творчестве Платонова, так и в русской философии «серебряного века».

На первом этапе творчества писателя общественный человек направляет свою деятельность на окружающий мир с целью преобразования, в такой модели мира доминирует человек. Затем акцент смещается в другую сторону, автор обращает внимание на огромное влияние окружающего мира на человека. В такой модели мира уже трудно выделить доминанту, наоборот, Платонов подчеркивает взаимозависимость окружающего и внутреннего мира, что свидетельствует о материалистическом понимании развития общества и влиянии марксизма на мировоззрение писателя.

Следует отметить, что в начале XX в. возникает феномен русского марксизма, а Платонов со свойственной ему способностью иметь свою точку зрения, отличную от общепризнанной, воспринимает интерпретацию марксизма А.А.Богданова. Основными элементами в учении Карла Маркса для Платонова являются философская праксиология (в меньшей степени) и технический детерминизм

(в большей степени). Однако в последующие периоды творчества русский мыслитель обращается к идеям русской философии, особо уделяя внимание проблемам соборности и всеединства.

Платонов в понятия «индивид» и «общество» вкладывает вполне традиционный смысл. Индивид — это общественный человек, персонификация общества в целом, а общество — это социальная среда, мир человека, в котором человек развивается, познает, осознает себя. Без общества, без других людей мир пуст в нем «холодно», «серо», «одинок» и т.д. Общество — единственно возможная среда обитания человека. Более того, общество — единое тело, всечеловеческий организм. «Человечество — одно дыхание, одно живое теплое существо. Больно одному — больно всем. Умирает один — мертвеют все» [1. Т. 1. С. 9], — пишет молодой Платонов в одной из своих первых публицистических статей. Человек содержит в себе понятие «человечество» как субстанциальную основу, как свое реальное содержание. Человечество связано узами общих предков и единой натурально-онтологической судьбой. Безусловно, эти взгляды весьма схожи с представлениями о человечестве русских космистов и философии всеединства, что позволяет говорить о соборном восприятии общества Платоновым.

Остановимся более подробно на идее соборности, присутствующей практически во всех философских концепциях конца XIX — начала XX вв. Она уходит корнями вглубь веков, являясь «главной национально окрашенной идеей». Соборность — «идеал христианской любви как связи между людьми в их стремлении к действительному преображению» [52. С. 10], — отмечает Б.В.Емельянов. Одним из первых идею соборности вводит А.С.Хомяков, подразумевая под этим свободное единение людей, основанное на христианской любви и направленное на поиски совместного, коллективного пути к спасению, своего рода «неформальный церковный коллективизм», общность, противопоставленную жестким иерархическим порядкам официальной церкви.

Н.О.Лосский дает следующее определение: «Соборность означает сочетание единства и свободы многих лиц на основе их общей любви к Богу и всем абсолютным ценностям» [86. С. 217]. Примером соборности является социальная и общинная жизнь Древней Руси, испокон веков на Руси все вопросы решались сообща на сходках с

традиционной справедливостью. Сначала идея соборности развивалась в религиозных учениях, так как «основная, наиболее глубокая черта характера русского народа, — отмечает Н.О.Лосский, — есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо в Царстве Божиим» [86. С. 123].

Л.П.Карсавин указывает: «русский идеал есть взаимопроникновение церкви и государства, ...русский человек хочет действовать во имя чего-то абсолютного или абсолютизированного» [62. С. 28]. В.С.Соловьев выдвигает идею Вселенской Церкви, которая, по его мнению, должна существовать «централизованно и объединенно в лице общего Отца всех народов, всех наций», для «просвещения народов и их властителей и непосредственно указывающих им на совершенный идеал человеческого общества» [135. С. 110]. Существует социальная троица человечества: глава священства, само государство, со справедливыми законами, и пророк, то есть глава государства, — которая должна быть солидарна между собой, «являясь, — пишет В.С.Соловьев, — лишь тремя главными органами единого общественного тела, выполняющими функции единой коллективной жизни». Все человечество должно быть тоже единым — «вселенское-братство, исходящее из вселенского отечества через непрестанное моральное и социальное сыновство» [135. С. 134].

Такая трактовка соборности не была характерна в полном объеме для русского мыслителя. И хотя многие исследователи творчества Платонова подчеркивают христианские мотивы в мировоззрении писателя, для него, в большей степени, принцип соборности имеет значение с точки зрения разрешения многих вопросов в духе синтеза индивидуализма и универсализма, при рассмотрении вопросов духовной и общественной жизни. Поскольку идея Вселенской Церкви как всеобщего объединения схожа с идеями социализма, в которых призывали все унифицировать, объединить, сделать общим, только называют эту идею не соборностью, а солидарностью, то можно утверждать, что у Платонова именно в этом русле можно проводить параллель с соборностью.

Одним из ярких представителей социализма является П.Л.Лавров, трактующий соборность как «...объединенное философское мирозерцание, в котором все знания, верования и стремления личности сливались бы в одно последовательное гармоническое

целое... во имя национальной и политической независимости люди сплачивались в солидарные целые, с готовностью жертвовать личными эгоистическими целями для пользы этого солидарного целого» [81. С. 45].

Социализм, по мнению П.Л.Лаврова, выдвинул следующую цель: «осуществить единство человечества уже не на почве мудрости исключительных личностей, не на почве механического государства или фантастического верования, но на реальной почве интересов всех участников коллективного труда для коллективного блага, то есть каждая личность опирается на солидарное содействие» [81. С. 76].

Не все идеологи социализма были согласны с точкой зрения П.Л.Лаврова. Например, Г.П.Федотов считал, что социализм — это «возможность полноты существования, возможность жизни для широких масс», которая столь необходима «для сознательного и благородного принятия свободы», связанной с вероучениями Христа. Г.П.Федотов считал, что социализм укоренен в христианстве: в Евангелии, в апостольских общинах, в древней церкви, в самом монашестве, в социальном служении как западной, так и русской церкви. А большевизм лишает социализм самого главного — веры, превращая общественную систему в антисоциальную. Платонов в своем философском трактате «О любви» предостерегал: «Если мы хотим разрушить религию и сознаем, что это сделать надо непременно, так как коммунизм и религия несовместимы, то народу *надо дать вместо религии не меньше, а больше, чем религия* (курсив наш. — Н.П.). У нас же многие думают, что веру можно отнять, а лучшего ничего не дать. Душа нынешнего человека так организована, так устроена, что, вынь только из нее веру, она вся опрокинется и народ выйдет из пространств с вилами и топорами и уничтожит, истребит пустые города, отнявшие у народа его утешение, бессмысленное и ложное, но единственное утешение» [25. Т. 4. С. 235].

В воззрениях Н.А.Бердяева, С.Л.Франка общественная жизнь выступает в форме соборности — «онтологического всеединства» «я» и «ты», в котором воплощается богоустановленный порядок, основанный на четкой иерархии и послушании, своего рода «метафизический социализм» (выражение С.Л.Франка). Поскольку социализм отвергает неравенство, то, на их взгляд, можно потерять «действительного конкретного человека». Неравенство оправдано

религиозно, поэтому всякое оправдание и провозглашения равенства приравнивается к неверию в Бога, атеизму. А если у человека отнять веру, то он окажется в страшной бездне, что и показывает Платонов в своем творчестве. Человек, лишенный веры, пытается как-то заполнить пустоту. Для персонажей одинаково чужды апостольские лики и учения Маркса. «Карл Маркса глядел со стен, как чуждый Саваоф, и его страшные книги не могли довести человека до успокаивающего воображения коммунизма» [18. С. 288]. Заседание совета проходило в церкви, над входом которой так и осталась надпись: «Прииди ко мне все труждающиеся и обремененные и аз успокою вы», быстро переделанная в «Приди ко мне все трудящиеся». «Революция была беднее веры и не могла покрыть икон красной мануфактурой: бог Саваоф, нарисованный под куполом, открыто глядел на амвон, где происходило заседание ревкома» [18. С. 284].

Дух коллективизма заложен в русском человеке изначально, и именно этот факт взят за основу идеологами коммунизма, но коллективизм и соборность различны. «Истинное единство народов, — пишет В.С.Соловьев, — есть неоднородность, а всенародность, то есть взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого» [135. С. 231]. Но это не общий, общественный человек, а конкретный всечеловек, который в соборном единении с другими участвует во всей жизни человечества. «Советские коммунисты ... ищут не абсолютного добра Царствия Божия, а относительного добра земного материального благополучия..., выбрав тоталитарное государство, они стремятся свести всю жизнь каждого человека к задаче служения коллективу» [135. С. 56]. Эти идеи созвучны со взглядами Платонова.

Выше мы уже отмечали, что проблема соотношений человека и общества в мире Платонова перекликается не только со взглядами философов всеединства, но с русским марксизмом. При чем следует отметить, что для Платонова философия марксизма и советская интерпретация идеологии этого направления различны. Это можно доказать на примере анализа романа «Чевенгур» (1927) и повести «Котлован» (декабрь 1929 — апрель 1930 гг.).

В романе «Чевенгур» автора интересует идея коммунизма, ее трансформация, своеобразная трактовка советскими идеологами, принцип внедрения и результат. Писатель исследует, прежде всего,

утопическое мышление, которое способно увести человечество в «земное блаженство». Большевизм рассматривается в двух аспектах: политическом и философском, показывая, как идеология, управляемая утопическим сознанием, заводит в тупик, объявленный Раем. Следует отметить, что автор показывает, как при столкновении идеи с реальностью в первую очередь видоизменяется сама идея. Н.А.Бердяев писал: «...русская коммунистическая революция, наверное, очень изумила бы Маркса, ибо совершенно противоречит его учению и даже опровергает его» [15. С. 18]. Впрочем, «Чевенгур» заставляет задуматься о последствиях и даже самой возможности воплощения идеала в действительность.

Философский контекст творчества А.П.Платонова всегда сопрягается с политическим контекстом. Порой кажется, что пристальное внимание писателя к социально-политическому строю и идеологии своего времени превращает многие произведения в фантазмагорию, возникает ощущение, будто писатель существует в другом времени и пространстве. «Если подбирать жанровые определения, — писал М.Золотоносов, — то “Чевенгур” должен быть назван “идеологическим романом”, в котором на роль героини выходит идея» [56. С. 7]. Е.Толстая-Сегал отмечает, что Платонов использует идеи в качестве материала, что сама «фактура» текста является «портретом» идеи.

Действительно, главный герой романа Саша Дванов, безусловный носитель идеи, постоянно испытывается, проверяется в столкновении с реальностью. В романе смело сливаются время и пространство, раздвигаются временные рамки, переплетаются история и вымысел. Сам город Чевенгур на самом деле не существует. С одной стороны, Чевенгур окружен реальными или слегка измененными населенными пунктами — Новохоперск, Лиски, Айдар и др., с другой стороны, города Чевенгур на карте нет, как и нет острова Утопия Томаса Мора.

Платонова интересует переход идеи в реальность, теории — в практику, а также мгновенность внедрения идеи, ее непродуманность, оторванность от реальности. Революция становится толчком к превращению идеи в действительность. Герой романа Захар Павлович радостно слушает выстрелы Октября, веря в то, что «дураки власть берут, может хоть жизнь поумнеет» [18. С. 236]. Новая власть должна ответить на главный вопрос: «Когда наступит земное

блаженство?». Захар Павлович ищет такую партию, которая подарит всеобщее счастье, для этого он отправляется «искать самую серьезную партию, чтобы записаться в нее» [18. С. 205]. Он приходит в партию социал-демократов (меньшевиков), где на вопрос о скором счастье ему отвечают: «даже странно думать о насыщении человека счастьем — это был бы конец света... Счастье — это сложное изделие, и не в нем цель человека, а в исполнении исторических законов» [18. С. 230]. Герой отвергает партию, заявляющую, что «счастье состоит в сплошной борьбе, которая будет длиться вечно» [18. С. 237] (партия социалистов-революционеров). Захара Павловича не устраивает неопределенность программ этих партий, «у религии и то было торжество православия...» [18. С. 236].

Желанный ответ дает «самая последняя партия с самым длинным названием». На вопрос: «Скоро конец всему наступит?» — мрачный человек дает ясный и точный ответ: «Социализм, что ль?.. Через год». Захар Павлович выбирает эту партию для Саши: «Человек говорит ясно, четко, справедливо, без всякого доверия — наверно, будет умнейшей властью, которая либо через год весь мир окончательно построит, либо поднимет такую суету, что даже детское сердце устанет» [18. С. 237]. Достаточно четкую оценку партии дает Захар Павлович и тут же предупреждает Сашу: «Большевик должен пустое сердце иметь, чтобы туда все могло поместиться» [18. С. 320]. Блуждания Саши Дванова и его товарищей с момента его отъезда на фронт и до прибытия в Чевенгур отражают реальные события, имевшие место в истории: политика военного коммунизма, гражданская война и НЭП. В романе существует только два времени: прошлое и будущее, герои же постоянно стремятся вырваться из реальности, то есть из настоящего, преодолевают время, пространство и сопротивление людей, населяющих пространство.

В городе объявили о приходе к власти коммунизма, причем автор со свойственной ему иронией отмечает, что люди не понимают его сути. Главными признаками коммунизма они считают совместное проживание и общую цель. «Теперь мы неизбежно братья и семейство, поскольку наше хозяйство социально объединено в один двор» [18. С. 300]. В Чевенгуре такое общество достигнуто, герои верят, что у них уже существует коммунизм, так как есть в нем товарищество. «Мы товарищи, ведь мы товар и цена друг

друга, поскольку нет у нас другого недвижимого и движимого запаса имущества» [18. С. 286]. Никто не может точно сформулировать, что же такое коммунизм, вместе с тем жители Чевенгура понимают, что в товариществе легче перенести все бедствия, голод и, самое главное, одиночество.

Город заселяют неизвестные люди без рода, без племени, без национальности, одним словом, безотцовщина, «голые люди на голой земле». Это просто бедные несчастные люди, которые потеряли смысл своего существования, им некуда идти, нечем заняться и они, как бродячие собаки, сбились в одну стаю, сначала для того, чтобы им было тепло, а затем у них появляется общая цель — коммунизм. Они вместе решают проблемы, вместе спят, едят из одного котла, даже готовят своеобразным способом: у кого что есть, тот и бросает в один большой общий котел на протяжении суток, и каждый может подойти и в любое время поесть. «Жили самодельно — умывались, вместо мыла, с песком, утирались рукавами и лопухами...» [18. С. 215]. В повести «Котлован» такое совместное бытие описывается более реально и страшно, а в «Чевенгуре» это сосуществование больше похоже на сказку, какую-то нереальную, придуманную жизнь. «Мы сидим не для одной мысли, а для сбора пролетарских сил и для их тесной организации». «Для любой нечаянной души тут найдется утешение в общей обоюдности». «Коммунизм же обоюдное чувство масс, ... дело всего пролетариата, а не в одиночку, ... коммунизм общее имущество» [18. С. 350].

В повествовании переплетаются вымысел и реальность. Идея, в которую свято верит Саша Дванов, на самом деле оказывается не такой, как ему мыслилось. «Ты кулак?» — спрашивает Дванов раненого крестьянина. — «Нет, мы тут последние люди, — вразумительно ответил мужик правду. — Кулак не воюет; у него хлеба много — весь не отберут» [18. С. 350]. Саша понимает, что с большевиками воюют не кулаки, которые всегда могут откупиться хлебом, а «последние люди», у которых отбирают последнее. Из диалога кузнеца с Двановым мы узнаем, чем недовольны крестьяне: «землю отдали, а хлеб до последнего зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей». «Ты говоришь — хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает, — кому же твоя революция останется... Примерно десять процентов чудаков в народе... на любое дно пойдут — и в революцию, и в скит на богомолье...»

[18. С. 344]. Это та восприимчивая к любой идее часть народа, которая становится зависимой от содержания идеи. Простой народ уже не верит в лучшую жизнь, утопию, а чудачки продолжают верить, вооруженные идеей коммунизма, они, несмотря на все предостережения и разочарования, строят Чевенгур, город Солнца.

В Чевенгуре нетрудно распознать черты коммуны периода 1918—1920 гг. В Москве в 1918 г. была издана брошюра М.Суматохина «Давайте жить коммуной!» — руководство по быстрому устройству жизни на новых началах. Таких брошюр выпускалось много в то время, и Платонов, безусловно, был знаком с их содержанием. М.Золотоносов предполагает, что «Чевенгур» является пародией на пролетарскую, антикрестьянскую утопию, которая была подготовлена всей социально-политической ситуацией середины 1920-х гг. На ограниченном пространстве останавливается и время, чевенгуровцы пытаются выскочить из истории, но действительность не позволяет им сделать это.

Заключительный эпизод романа — последний решительный бой между «машинальной силой» и чевенгурцами — подтверждает мысль о том, что невозможно выскочить из времени и пространства, уйти от власти, от реальности. Что же это за «машинальная сила»? Платонов дает лишь косвенный ответ на вопрос. Ясно одно, что это организованная стихия, несущая в себе тоже какую-то идею. О том, что это за сила, существует несколько точек зрения. М.Геллер считает, что это Красная Армия вступила в бой с чевенгурцами. Битва происходит осенью 1921 г., когда в Воронежской губернии белых частей быть не могло. Последняя белая армия Врангеля была разбита в конце 1920 г. Некоторые исследователи связывают разгром Чевенгурской коммуны с «другим рядом реалий — идеологических, со спорами о возможности победы социализма в одной стране, в частности, с книгой И.В.Сталина “Вопросы ленинизма”, где Сталин указывает на то, что страна с диктатурой пролетариата может построить социализм собственными силами, но не может считать себя вполне гарантированной от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков. Возможно именно от такой “интервенции” гибнет Чевенгур» [56. С. 16].

Все жители Чевенгура умирают в бою с чувством радостного облегчения, как бы освобождаясь от невыносимой скуки-тяжести утопии, они уходят в смерть как в реальность, возвращая «билет в

гармонию». Дванов вполне сознательно кончает жизнь самоубийством, словно отказываясь от «общего дела» в пользу идеи смерти. Сама коммунистическая идея в Чевенгуре постепенно стала превращаться в новую религию. Но прежде чем жители стали выражать любовь друг к другу, в гротескно-утрированной форме, они предварительно истребили тех, кто не пожелал быть с ними, они разрушали их могилы, снимали кресты. Чевенгурцы перестали жить для себя. Их смерть — это своеобразное признание в ложности цели, использовавшей нечеловеческие средства.

Одновременно Платонов испытывает «человека в коммунизме». Его интересуют люди с искаленной психикой, постоянно ищущие и хватающиеся за любую идею, которые «за кем хочешь пойдут», но идти они могут только до определенной черты — когда им открывается суть, они либо умирают, либо становятся антиподами своих же идей.

Финал «Чевенгура» пессимистичен. Пессимизм заключен не только в гибели героев, и даже не в гибели мечты, а в том, что единственным живым оказывается Прокофий Дванов, идеолог организации сильной власти, убивший жителей Чевенгура ради их имущества. Прокофий пошел искать Дванова, поскольку ему нужны новые жертвы, которых можно заразить новой идеей, — на этом заканчивается роман Платонова.

Реализация социального мифа — строительство «чего-то всемирного и замечательного» — оказывается главным событием повести «Котлован». Философское осмысление цели и средства достижения цели соединены с осмыслением сталинской версии строительства социализма. В отличие от «Чевенгура», где смешалось время, пространство, реальность и фантазия, в котором пристальному вниманию подлежит сама идея социализма, «Котлован» в своей реальной основе проще. На это указывает время написания повести: декабрь 1929 — апрель 1930 гг. Декабрь 1929 г. ознаменовался началом «развернутого наступления на кулака» и утверждением культа личности Сталина; выступление Сталина на конференции аграрников-марксистов похоронило всякое инакомыслие в области сельского хозяйства и экономики. В «Котловане» можно увидеть целый диалог со Сталиным. В уста главного агитатора, главного героя повести, вкладываются идеи статей и выступлений товарища Сталина. «Все смолкли, в терпении

продолжая ночь, лишь активист немолчно писал, и достижения все более расстилались перед его сознательным умом, так что он уже полагал про себя: “Ущерб приносишь Союзу, пассивный дьявол, мог бы весь район отправить на коллективизацию, а ты в одном колхозе горюешь; пора уже целыми эшелонами население в социализм отправлять, а ты все узкими масштабами стараешься”» [18. С. 102]. Примерно то же самое говорил Сталин в статье «Год великого перелома»: «Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже целыми округами» [18. С. 67].

Впрочем, диалог со Сталиным — лишь один из уровней отражения реалий эпох, которые отображены: во-первых, на лингвистическом уровне, на котором абсурд языковых построений выражает абсурд сталинизма как государственной политики, во-вторых, на сюжетном уровне, на котором расположено довольно прозрачное сопоставление: не начав строить «общепролетарское здание», а лишь выкопав под него котлован, строители перешли в деревню, в колхоз имени Генеральной линии, для проведения раскулачивания. То же самое происходило в стране. Не решив к 1928 г. проблем развития промышленности и товарообмена между городом и деревней, официальная власть целиком переключилась на быструю индустриализацию и коллективизацию, а летом 1930 г. было объявлено, что страна уже вступает в период социализма. Весьма тонко и остроумно в повести показано, как то, чего не существовало в действительности, было принято за реально существующие факты.

Название повести «Котлован» является метафорой бессмысленности самой идеи социализма, а тем более воплощения ее в действительность такими средствами и жертвами. «Котлован» ассоциируется с «ямой», как чем-то ненужным, являющимся всего лишь фундаментом для социализма, ненужным материалом для настоящего во имя будущего. Все поколение было обречено, и Платонов расценивает этот факт как преступление. Наверное, поэтому Платонов ввел в повесть эпизод смерти ребенка, в русской литературе смерть ребенка всегда обозначала безнравственность общества, его обреченность, такое общество не имело право на существование.

Котлован был предназначен для нового мироздания, «куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли»

[18. С. 133]. Архитектурно он был оформлен в стиле эпохи 20-х гг. (достаточно вспомнить московские архитектурные проекты небоскребов и домов-коммун Ладовского, Лаврова, Попова). В «Котловане» показано, как массы людей опустошались, лишались идеи, как «главный человек» взял на себя ответственность мыслить за всех. Как отмечал Л.Шубин, «господствующее мировоззрение объявляло себя материализмом, тесно связанным с монологизмом, при котором все истинное вмещается в пределы одного сознания» [159. С. 172—173]. Многие исследователи сопоставляют процесс коллективизации с победой язычества над христианством. На это указывает немало признаков. Язычество подразумевает наличие идола, а в «Котловане» это главный человек, который знает то, чего не знают другие. Между Чиклиным и раскулачиваемым мужиком происходит занимательный разговор:

Чиклин. «Мы можем царя назначить, когда нам полезно будет, и может сшибить его одним вздохом... А ты — исчезни!»

Мужик. «Ликвидировали? Глядите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!» [18. С. 87].

Еще одним признаком язычества является то, что раскулачивание проводилось с медведем, который чутьем определял классовых врагов. Причем раскулачивание происходит как бессмысленный обряд и в сочетании с социально-политическим контекстом порождает пародию. Сцена раскулачивания заканчивается пляской смерти: «колхоз, не прекращая топчущейся тяжкой пляски, тоже запел слабым голосом. Слов этой песни понять было нельзя... Активист дал еще несколько звуков, а потом смолк... Но народ не остановил всеобщего танца, он уже так привык к постоянному темпу радости, что топтался по памяти» [18. С. 150].

Интересным образом происходит ликвидация неграмотности среди колхозниц. Активист при помощи слов-заклинаний (авангард; актив; аванс; большевик; буржуй; бессменный председатель; колхоз есть благо бедняка; bravo, ленинцы) учит грамоте, сочетая грамматику с политикой. Эти бессмысленные слова, этот безжизненный автоматизм опустошили жизнь людей, лишив их веры и надежды на лучшую будущую жизнь. В «Котловане» Платонов показывает, как революционный романтизм, где революция выступает абсолютной целью, а люди всего лишь средством, оборачивается

трагедией для целых поколений. М.Геллер в монографии «Андрей Платонов в поисках счастья» делает вывод: «На протяжении всей повести Андрей Платонов не перестает демонстрировать: коммунизм — это смерть» [32. С. 227].

Мысль Платонова переходит от смертной экзистенции к бессмертному бытию. Существование человека, его относительная свобода от всеобщих законов — все это имеет физический смысл при наличии другой составляющей бытия — связи с объектом (объективным миром), превращения индивидуальной судьбы в мировую судьбу.

Ощущение неполноценности, разорванной, разобщенной жизни порождает неполноценность бытия, в нем нет «общей воссоединяющей мысли». Можно провести параллели со взглядами Эпикура, рассматривавшего проблемы макроскопического детерминизма физического мира, который не должен лишать свободы индивидуального бытия. У Платонова защита индивидуального бытия человека включает впечатление призрачности бытия, оторванного от «общей воссоединяющей мысли» и протест против игнорирования индивидуальных судеб. Такое игнорирование лишает вселенную действительного бытия.

Существуют два полюса квазибытия, иллюзорного бытия, каждый из которых не может стать реальным без другого. Один полюс — разрозненные, распавшиеся индивидуальные жизни без объединяющей идеи, другой полюс — гармония целого, не включающая индивидуальных происшествий, которые бы меняли всю историю вселенной. Мысль об иллюзорности индивидуальных событий, несвязанных в общее гармоническое целое, и иллюзорной космической гармонией, игнорирующей индивидуальные судьбы, пронизывает творчество писателя.

Исчерпывающий вопрос, над которым задумывается Платонов: сохраняется ли реальная интеллектуальная и эмоциональная жизнь человека при его изоляции, при его отключении от целого? Обладает ли духовное бытие человека абсолютным смыслом? То есть мы имеем в виду, что свойства, величина, понятие, если они сохраняют свой смысл и значение независимо от существования или отсутствия других свойств, величин или понятий, являются абсолютными. И Платонов отвечает на этот вопрос однозначно: существование вне зависимости от других людей и космоса в целом невозможно.

Таким образом, проведенный анализ проблемы соотношения человека и общества раскрывает философское мироощущение Андрея Платонова близкое «метафизическому социализму», из которого не выводится социально-политический коллективизм, навязываемый советским обществом, что в свою очередь раскрывает антропологическую позицию писателя, опирающуюся на традицию онтологизма в философии. Собственно человеческое здесь включено в общий мировой процесс и производно от надчеловеческих начал. Онтологическая концепция А.П.Платонова переходит в социально-философское учение, связующим звеном между ними является антропологическая схема автора. Причем собственно человеческое существование мыслится прямым продолжением космологического процесса, а социальный идеал — средством достижения совершенства человека в космически-правильной жизни.

§ 2. Проблема отчуждения

Признаком декларативного единства человека и общества в современном Платонову государстве является ощущение бездомности и ненужности человека в мире. Любой человек чувствует, что либо живет в мире как в своем доме — обустроенном, налаженном, гармоничном, занимая определенное место, либо чувствует себя затерянным, одиноким и брошенным в этот мир. Ощущение недостаточности, определяемости извне, стремление к идеалу, к познанию себя и окружающего мира, разрушение близких человеческих взаимосвязей ведет к отчуждению. Уяснить место понятия отчуждения в творческой эволюции писателя поможет краткий экскурс в историю концептуализации данной проблематики.

Понятие «отчуждение» возникло в немецкой классической философии. Особое место оно занимает у Георга Вильгельма Фридриха Гегеля в «Феноменологии духа». В несколько иной терминологии проблема отчуждения возникает у Иоганна Готлиба Фихте и Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга. Фихте исходит из того, что объект как объект следует понимать как некое внешнее проявление разума. Известное понятие Шеллинга «обусловливание» (Bedingen) Гегель называет отчуждением (Entäußerung). В понимании Шеллинга «обусловливание» и действие тождественны, ибо, по его мнению, посредством действия нечто превращается в вещь.

Понятие «отчуждение» — *Entäußerung* — часто переводят как отрешение, что, по нашему мнению, соответствует действительности. Гегель истолковывает реальное отчуждение как отчуждение духа, а преодоление отчуждения — как теоретическое осознание неистинности отчуждения. На самом деле, употребляемое Гегелем понятие «*Entäußerung*» означает отрешение, а не философское отчуждение, о чем свидетельствуют следующие его слова: «Действование и становление, благодаря которым субстанция становится действительной, есть отчуждение личности, ибо самость, имеющая непосредственно, то есть без отчуждения, значение себе и для себя, лишена субстанции и есть игра указанных бушующих стихий; ее субстанция, следовательно, есть само ее отрешение, а отрешение есть субстанция или духовные силы, упорядочивающиеся в некоторый мир и, благодаря этому, сохраняющиеся». Или же: «Целое, как и всякий отдельный момент... есть некоторая отчужденная от себя реальность» [35. С. 261]. В «Феноменологии» Гегеля «отчуждение» предстает как высочайший уровень философского обобщения, которое выходит за пределы своей первоначальной сферы употребления. Этому понятию Гегель придает разное значение. В частности, он считает, что «отчуждение» — это: сложное субъект-объектное отношение, связанное с трудом вообще; специфическая капиталистическая форма «отчуждения» (на этот счет у Гегеля отсутствуют ясные представления, однако он пытается свести сущность фетишизированной объективности экономических отношений к конкретному человеку); «вещность», или предметность. Природа и история, по Гегелю, выступают следствием отчуждения духа.

Антропологическую интерпретацию феномену отчуждения впервые дает Людвиг Фейербах. Ее истоки он видит в психологических состояниях человека — чувстве зависимости, страхе и других подобных ощущениях. Однако Фейербах не смог вскрыть действительной сущности отчуждения, поскольку природа человека трактуется им как «неотчуждаемый» фундамент человеческой жизни и противопоставляется неистинному миру отчуждения. Фейербах усматривал сущность религии в том, что индивид отчуждает от себя свою родовую сущность и переносит ее качества на высшее существо — Бога.

Необходимо отметить, что линия противопоставления «истинного» и «неподлинного» состояния, мира отчуждения и мира любви значительно усиливается у младогегельянцев Б.Бауэра и М.Гессе, а также у идеологов буржуазных социальных отношений Пьер Жозефа Прудона и Макса Штирнера.

Карл Маркс дополнил антропологическое учение экономическими предпосылками и таким образом продемонстрировал целостный научный подход к постановке и решению проблемы человека. В своей социальной теории Маркс самым решительным образом отделяет понятие «отчуждение» от предметности, от опредмечивания в труде. Он рассматривает отчуждение как следствие общественного разделения труда при капитализме, то есть считает источником отчуждения господство частной собственности, соответственно товарно-денежных отношений, превращение «труда» человека в средство существования. Маркс доказывает социальный характер отчуждения и отмечает, что и в субъективном, и в объективном плане отчуждение пронизывает все проявления человеческой жизни. Он особо акцентирует свое внимание на том, что в частнособственнических социальных отношениях продукт «труда» (работы) «отсваивается» (отдаляется; обычно пишут: «отчуждается») от непосредственного производителя (то есть продукт становится чуждым для него). Именно это «отсваивание» приводит к перерождению, а потом (в действительном товарном производстве) — к отчуждению социальной сущности (самоотчуждению) человека. Таким образом, Марксова материалистическая теория объясняет и капиталистическое отчуждение, и его снятие посредством устранения. С точки зрения диалектики отчужденные социальные отношения должны достигнуть своей кульминации, своего пика, чтобы подготовить почву для собственного самоотрицания.

Теодор Адорно, вопреки социальной теории Маркса, пренебрегает историзмом и социальным характером отчуждения. По его мнению, «сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен самостоятельно жить правильно, не в состоянии правильно реализовать свое собственное предназначение.., мир устроен теперь так, что даже простое требование честности, порядочности неизбежно вызывает у человека чувство протеста» [2. С. 191]. Мучительный вопрос Адорно: «Как сегодня вообще возможно жить?», несомненно, определяется революционной

романтикой. Экзистенциальная эйфория, в которой пребывал Адорно, повлияла на все его философское творчество, что, в частности, привело к ложной оценке сущности отчуждения человека.

Герберт Маркузе категорически не отрицает социальный характер отчуждения человека, однако все его прогнозы, касающиеся утверждения рациональных социальных отношений, наполнены пессимизмом. Маркузе утверждает, что с увеличением разделения труда, «труд» становится отчужденным, а «отчужденный труд, лишенный удовлетворения, отрицает принцип удовольствия» [99. С. 39]. Его нигилистический пафос затмевает историческую и социальную нагрузку отчуждения. Маркузе не видит путей освобождения человека от отчуждения. Он считает, что «ни технологический прогресс, ни завоевание природы, ни рационализация человека и природы не смогли и не смогут устранить необходимость отчужденного труда, необходимость механической, лишенной удовольствия работы, не обещающей индивиду никакой самореализации» [99. С. 231]. Маркузе критикует «догматический» марксизм и на основе экзистенциальной аналитики Мартина Хайдеггера пытается освободиться от диалектической философии истории. По его мнению, кризисные явления позднекапиталистического общества вызваны не экономическими, а культурно-антропологическими причинами.

Эрих Фромм рассматривает в качественно новом ракурсе отчуждение человека в его социальности. Он пытается соединить социальную теорию Карла Маркса и психоанализ Зигмунда Фрейда, однако такой научный подход не становится решением проблемы отчуждения человека и не выявляет действительную причину, порождающую этот феномен. Фромм считает, что «под отчуждением понимается такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстраненным от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им. Отчужденный человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми» [148. С. 235—236].

Большинство философов XX в. скептически относятся к марксистской теории преодоления отчуждения или же не признают историзма и психологизма в трактовке причин отчуждения. Тем

не менее, они считают главной задачей философии содействие человеку в преодолении его отчужденной сущности. На решение этой задачи более других нацелены представители экзистенциализма, персонализма, философской антропологии.

Краткий экскурс в суть понятия отчуждения показывает всю сложность и многомерность этой проблемы. В художественно-философском творчестве Платонова мы можем встретить практически все перечисленные выше формы отчуждения, которые сводятся к трем направлениям: отчуждение вследствие отделения человека от мира природы, психологическое и интеллектуальное, социальное отчуждение.

Мотив отчуждения пронизывает все творчество Платонова, но детальную разработанность получает во второй период творчества.

По самому общему определению, отчуждение — это крайняя форма социального перерождения человека, потеря им своей родовой сущности. Формирование личности обусловлено и определено той действительностью, в которой приходится существовать человеку, и Андрей Платонов в своем наследии наглядно проиллюстрировал эту мысль. По мнению автора, существует зависимость «человек — человеческий мир», а отношение человека к миру, вселенной со своей стороны определено природой созданного самим человеком «человеческого мира», в связи с этим необходимо проанализировать и выявить, чем именно является «человеческий мир» и какое обратное влияние оказывает он на личность на материале всего творчества Платонова.

Термины «человеческий мир», «вторая природа», «ноосфера», «техносфера», «социосфера», «антропосфера» в философской литературе часто употребляются в идентичном значении, и в основном их содержании подразумевается, что он, этот мир, является действительностью, созданной в результате деятельности самого человека. Создается искусственная материальная среда — «вторая природа». Именно эта «вторая природа» представляет собой «человеческий мир», в котором реализованы различные сущностные силы человека: физические, биологические, психические, умственные, этические, эстетические и т.д.

Следовательно, этот «человеческий мир» представляет собой самоутверждение человека, определенного социального родового существа. Карл Маркс отмечает: «Практическое созидание

предметного мира, переработки неорганической природы есть самоутверждение человека как созидательного родового существа» [98. С. 566]. Созданный человеком «человеческий мир» является глубинной определенностью онтологической структуры человека, подчеркивает Платонов. Различным аспектам культуры соответствуют определенные сущностные силы человека, поэтому в «человеческом мире» — культуре — человек должен видеть самовоплощение, самоутверждение, совершенство его собственной личности. Именно это и имел в виду К.Маркс, когда писал: «...история промышленности и возникшее **предметное бытие** (выделено нами. — *Н.П.*) промышленности есть раскрытие книги человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая перед нами человеческая психология, которую до сих пор не рассматривали в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения внешнего отношения полезности» [98. С. 628].

Присвоение человеческой действительности и его отношение к предмету — это осуществление человеческой действительности. Поэтому оно столь же многосторонне, как многосторонни сущностные свойства человека и формы его деятельности. Немецкий философ отмечает: «Не только обычные пять чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т.д.), одним словом человеческое чувство, человечность органов чувств возникают благодаря бытию их предмета, благодаря очеловеченной природе» [98. С. 625—627].

Далеко не всякий труд и не во всяких условиях способствует становлению человека как человека, раскрытию и развитию его человеческих сущностных сил, а наоборот, созданный самим человеком мир противопоставляется ему как враждебная сила. Подобное положение фиксируется понятием отчужденности.

В условиях отчуждения созданный человеком мир уже не является человеческим миром, осуществление в нем человеческих сущностных сил вызывает его же подавление. Чем мощнее и обширнее созданный им мир, тем больше обратное поработочающее воздействие материализованного мира на человека, тем более слабым существом проявляет он себя. Ярким примером является ряд произведений писателя: «Чевенгур», «Счастливая Москва», «Котлован» и др.

Созданная человеком действительность вызывает в его же сознании обесценивание интеллектуальных, эстетических, этических и других ценностей. Для отчужденного в такой мере человека затеняется эстетическая сторона предмета, высокие нравственные, подлинно человеческие ценности: добро, любовь, дружба, солидарность подчиняются вещественным взаимоотношениям.

Позитивистское мировоззрение, физикализм, крайний рационализм, натурализм, техническое мышление вообще в соответствующей социальной системе повлекли за собой превращение техники из средства в цель, а то, что с самого начала было предназначено для обеспечения человеческого счастья, превратилось в причину отчуждения человека [59. С. 11].

За реализацией человеческих целей последовали такие результаты, которые совершенно не подразумевались в целях; человек стал жертвой алогичности. Следует отметить, что Платонов на первом этапе своего творчества затрагивает проблему диссонанса между идеей и реальностью. Одним словом, могущество, или, точнее, желание невозможного, человечества предопределило его же бессилие. Собственная мощь противостоит человеку как чуждая сила.

Теоретическое обоснование идей Платонова можно встретить в философских концепциях: Хосе Ортега-и-Гассета, Карла Ясперса, Эрнста Кассирера, Эриха Фромма и других представителей экзистенциализма. Основными следствиями отчуждения в мире Платонова являются следующие:

- потеря человеком собственных убеждений, традиций, коммуникабельности, появление ощущения одиночества;
- отсутствие личной ответственности, собственного мышления, его деятельности вне «Я»;
- трагедия самосознания, превращающего в ничто человека;
- духовная бесформенность и внутреннее разложение человека;
- бессилие человека перед собственным развитием;
- буйство науки и техники;
- превращение средств в цель;
- безнадежность ожидания.

Таким образом, создается ситуация «неопределенности» и отчуждения. Главным проявлением отчуждения является состояние скуки. С точки зрения экзистенциализма это пограничная ситуация,

которая помогает раскрыть подлинную натуру человека. У Платонова герои заражены, больны тоской и скукой, их мир зачастую прост и пуст. Это пустота — не следствие свободы, а подчеркнутая ущербность мира. Все человеческие качества как со знаком плюс, так и со знаком минус, деформированы, искажены. Герои не могут реализовать свой внутренний потенциал, свои потребности в доброте, любви, отсюда возникает мотив отчужденности, изолированности, одиночества.

Еще один аспект отчуждения — выброшенность человека во вне, его подчинение власти необходимости — получил в концепции Н.А.Бердяева формулировку объективации. Основные условия, или признаки объективированного мира, которые определяют условия существования: отчуждение объекта от субъекта, поглощенность индивидуального, личного безличным и общим, господство необходимости, подавление свободы, социализация человека и его мнений, уничтожающая оригинальность. Такая модель мира порождает двойственность: мир эмпирический, в котором вынужден жить человек, и духовный мир. Эта раздвоенность, то есть несоответствие внутреннего мира внешнему, вызывает трагизм существования, проявляющийся в чувстве одиночества, страха, тоски.

Герои Платонова постоянно хотят заполнить пустоту хоть чем-то. Получается парадоксальная ситуация, так как чем больше заполняют они пустоту, тем больше хотят смерти. «Пустота, — подчеркивает писатель, — оказывается тем местом, куда должна войти жизнь, чтобы было человеку, чем жить. А жизнь — это что-то вещественное, а у жизни один антипод — смерть, и у вещества — смерть» [1. Т. 1. С. 451]. Мир усомнившегося Макара прост и пуст, и это не свобода, а ущербность мира. Душа без тела тоскует. Одна душа, жизнь одной души — плохо. Платонов по-разному воспринимает пустоту: пустота — темнота, пустота — духовная нищета. Все герои тоскуют, поэтому и сам автор, и его герои с оптимизмом встречают идею коммунизма, в котором человек сливается с единым дружественным телом для противопоставления смертельной пустоте. Платонов выделяет в коммунизме телесный смысл: он должен занять какое-то место.

Желание занять себя любимым видом деятельности, заполнить пустоту заставляет героев искать счастья как возможность бытия без отчуждения. Современный исследователь Ю.П.Ивонин так

обосновывают этот феномен: «...Любая культура рассматривает счастье как идеал индивидуального существования (приемлемый обществом) и как социальный идеал. Модель совершенного общества в этом смысле оказывается расширенным и артикулированным описанием индивидуального счастливого существования» [57. С. 13]. Значит, решение проблемы отчуждения должно переноситься и во внешний мир.

Платонов указывает на то, что решить проблему отчуждения человек не может, это под силу только обществу. Поэтому Платонов видел решение проблемы в русле марксизма через изменения общества — в коммунистической модели общества.

Кроме идеального общественного устройства решить проблему отчуждения может процесс познания. У человека есть потребность в познании окружающего мира, и одним из главных объектов, на который направленно познание в творчестве Платонова, становится природа. Природа может быть результатом отчуждения человека. (Ведь у Платонова по мере невозможности разрешения тайн природы, жизни, сущего возникает отчуждение). Преобразование природы обосновывается в марксизме — «научный труд над всеми силами природы», чтобы природа, знания работали на человека, помогали ему выжить и построить коммунизм. Ярким примером может служить повесть «Ювенильное море», где герои побеждают природу при помощи технического прогресса. Платонов даже вводит свой термин «технический большевизм».

Но с другой стороны, знание — один из вариантов метафизического одиночества. Знание об основании высказывания совпадает со знанием о причине. Субъект, располагающий такими знаниями, никогда не находится в ситуации неопределенности, выбора. Его действия всегда оптимальны относительно цели и безальтернативны. У героев Платонова такая ситуация возникает не благодаря совпадению основания с причиной, а вследствие полного отсутствия выбора и возможности думать. Для субъекта-носителя такого знания внешний мир перестает быть объективным, поэтому возникает отчуждение как интеллектуальное, так и психологическое. Значит, если мир перестает быть объективным, то он становится субъективным. Герои становятся одинокими, отсюда их желание раствориться в мире, например, у Саши Дванова, Москвы Честновой и других героев, происходит потеря, распад личностного начала.

До Маркса преобладал взгляд на то, что социальное отчуждение — это частное проявление интеллектуального отчуждения. Маркс поменял это соотношение, поскольку интеллектуальное освоение мира невозможно отделить от его революционного изменения, что должно было привести к изменениям в устоявшейся практике общения. В том случае, если практическая жизнь не изменялась, возникал феномен подтверждаемости иллюзии, что превращало идею самодостаточного интеллектуального мира в утопию. Мир распродмечивается (субъективируется) вместе с исчезновением объективных условий существования.

Основная проблема человека — несвобода, она кроется в природе человека, в его связи с животным миром, которая доминирует как во внешней среде, так и во внутреннем мире. Человек зависим от природного мира, такую ситуацию необходимо исправить, должен осуществиться качественный переход человеческого над природным. Человек занимает промежуточное звено между обществом и природой. В связи с этим совершить качественный переход очень сложно. Следствием двойственности человека становится отчуждение. Поставив под контроль процесс возникновения отчуждения, можно избавиться от самой проблемы отчуждения.

Автор в своих произведениях наглядно иллюстрирует мысль о том, что отчуждение человека проявляется в общественных отношениях, в продиктованных общественным бытием и сознанием совокупных актах и поступках, совершенных как конкретным человеком, так и человеческим сообществом. Оно фиксируется в сознании человека как отклонение этих актов и поступков от гуманных, действительно нравственных человеческих норм, то есть как проявление отрицательной сущности процесса социализации.

Феномен отчуждения, вернее, отчуждение как совокупность отрицательных социальных качеств выступает в некотором роде лицом (сущностью) человека товарно-денежного общества. «Неугомонная» сущность закономерности товарного производства по мере опосредствования социальной сущности человека (процесс социализации) все более вселяется в человеческие души, вытесняя при этом из очеловечивающегося социального объекта саму человеческую сущность, демонстрирует свою вульгарную любовь и обманчивую преданность всему человечеству, все более укрепляет чувство частной собственности у отдельного индивида;

общественное «Я» (естественный коллективный «дух») распадается на индивидуальные «Я», противостояние между ними возрастает (и доходит до антагонизма).

Такого рода противостояние является следствием естественно-го синтеза примитивно-«действительной» природы человека и его опосредствованной сущности — частнособственнического духа, ибо опосредствование социальной сущности означает поэтапное выявление сущности генеалогии примитивного продукта «труда» (исторические ступени становления социальной сущности), самоотрицания его примитивно-«действительной» непосредственной сущности. Такого рода закономерность самоотрицания получает свое действительное развитие только при наличии денег.

Как правило, человек превращается в бесчувственный предмет, дополняет неодушевленный предметный мир чуждой как для самого естественного предметного мира, так и для самого себя и себе подобных сущностью. Человек перестает быть человеком и в то же время остается им постольку, поскольку является одновременно как причиной своего отчуждения, самоотчуждения, так и следствием снятия отчуждения. Для человека предметный мир, свое здесь-бытие превращается в абсолютное средство опустошения человеческой сущности, он ощущает себя как социальный объект только тогда, когда физиологические потребности дают о себе знать. Для человека собственная непосредственность лишена всякой внутренней гармонии, так как он существует вслепую, неосознанно. У него, как правило, притуплено человеческое чувство и часто отсутствует само стремление быть человеком, поскольку такое стремление в отчужденном человеческом мире слишком накладно и порой небезопасно. Только предметный мир, его непосредственное присвоение и владение им занимает сущность человека, ибо чувство обладания этим миром и увеличение сферы влияния в общественных отношениях создают ему иллюзию счастья.

Человек из-за собственной отчужденности отдален от природы, от человеческого сообщества, от своей природной сущности, и то, что такая отчужденная суть ведет к экзистенциальному эгоизму и формированию иррациональной социальной сущности, превращающей «человека» в абсолютное средство для собственного же животного существования, есть не что иное, как совокупность отрицательных социальных качеств.

Отчуждение человека как закономерное явление, в обязательном порядке сопутствующее (в определенное время) процессу социализации человекоподобного существа как такового, во всем общем понимании, должно проявить свою сущность в общественной форме, то есть в совокупных социальных отношениях.

Объективно наличествующие отчужденные социальные отношения стали размывать социальный дух, человечность в конкретном биосоциальном существе, и социальные последствия этого в общественной жизни «человека» столь существенны, что вселяют страх и чувство безысходности. Произошло, по мнению Платонова, одновременно самоотчуждение человека и отчуждение предмета от его создателя.

Тесно к мотиву смерти примыкает мотив скуки, который также может трактоваться как проявление отчуждения, как некое безнадежное онтологическое самоопределение человека и всего существующего, покорно примыкающих жертв дурной бесконечности, «пустоворотов бытия».

Намечается определенная трансформация в грусть, переходящую в тоску, скорбь и, как следствие, в отчуждение, которое позволяет обнаружить другой уровень отношения к миру: неприятие существующего положения вещей и, в некоторых случаях, порыв к его преодолению.

Саша Дванов, герой романа «Чевенгур», надеется, что коммунизм позволит ему исполнить завет отца, данный ему во сне: «Сделай что-нибудь на свете, видишь, люди живут и погибают». Деятельность других персонажей также направлена на то, чтобы «утолить сердце», пронзенное зрелищем всеобщего несчастья и гибели, в крайнем случае «отвлечь тоску». Забываясь в своих планах и работе, они терзаются сомнениями: «Неужели внутри всего света тоска, а только в нас пятилетний план?» — задается вопросом герой повести «Котлован» Сафронов.

Может быть, именно в этом скрывается истинный источник гнетущей томительно-мрачной атмосферы ряда произведений. В повести «Котлован» создатель Дома, куда должен войти на вечное счастливое поселение пролетариат города (а в воображении инженера Прушевского уже встает и башня общемирового счастья в центре земли), сам страдает от той же общей «тоски тщетности», его мир пуст, он одинок и готовит самоубийство. Вот такими контрастами,

движениями сюжета, а не только мотивами и образами мыслит Платонов.

В «Чевенгуре» чаяния устроителей коммунизма оканчиваются крахом. Их убеждения, принятые на веру, — уничтожим эксплуатацию, вообще весь непролетарский, чуждый элемент — обещали мгновенное преобразование человека и мира. Смерть ребенка становится роковым испытанием для предприятия чевенгурцев и строителей котлована, где в фундамент стройки кладется буквально детский трупик, который отравляет источники веры в возможность построения «рая на земле» на непреобразованной природно-натуральной основе с ее законом вытеснения и смерти.

Понять тип платоновских героев можно, если учитывать не только социальный пласт их образов, будь то «неистовые ревнители» эпохи военного коммунизма или коллективизации, техники-изобретатели первых пятилеток, но и сокровенное ядро — «душевных бедняков», мучающихся чувством, непросветленным умом и знанием. Попав в мощное силовое поле идей своего времени, его задач и дел, они привносят в него свои полубессознательные сердечные устремления, но и сами этим полем деформируются. «В результате, — отмечает С.Г.Семенова, — создается некий нелепый конгломерат, когда, с одной стороны, жаждут братства и преобразования Земли, а с другой — приравнивают к “обезьянам”, подлежащим уничтожению огнем пролетарской селекции, всю прочую “остатнюю сволочь”; готовы и скот распустить по природе, подтянуть меньшую тварь до человека (как в поэтических мечтаниях Заболоцкого) и вместе — устраивают какое-то зловеще комфортабельное, “фашистское” убойное стойло для того же скота; тоскуют по умершим и высчитывают, сколько полезных химических продуктов можно получить из тщательно утилизированного трупа возлюбленной...» [13. С. 28].

В «Ювенильном море» старушка Федератовна, боец против стихий природы и классового врага, не спит, такой «по всей республике громовень, стуконень» идет, стоит густой чад трудового энтузиазма, а она всю Федерацию слышит и восчувствует. В этой повести прослеживаются психические процессы эпохи, давление тотальной подозрительности, доводящей до того, что «невъясненный» человек сам начинает в себе сомневаться, кто он такой и существует ли вообще.

Созидается железная империя бюрократизма, в которой на вечное поселение устраиваются уже не люди, а бумаги, а с ними разыгрываются запутанные и почти мистические истории (нельзя не вспомнить мир Кафки).

В «Ювенильном море» наряду с излюбленными платоновскими «скукой» и «тоской» добавляются «бред» и «бредовый», побивающие здесь рекорды словоупотребления. «Классовая ласка» чевенгурцев, строителей «душевного коммунизма», обнявшихся в «обожании» товарища, в «Ювенильном море», где провозглашается уже «технический большевизм», доходит до пародийного градуса: Босталоева, доставая гвозди, все обнимается с ответственными работниками, а был случай, абортom расплатилась за кровельное железо. В эпоху с гвоздями блистательно нагнетается бред «планового» руководства отсутствующими материальными ценностями. Дикая замороченность тяготит сознание: директор леспромхоза давит в себе умиротворяющее чувство к природе, заподозрив в этом «натурфилософию, мировоззрение кулака, а не диалектику».

Герои «Чевенгура» и «Котлована», творя «из лучших побуждений» нелепые дела, тем не менее охвачены постоянным чувством тоски и стыда. Эта «тревога неуверенности», «беззащитная печаль», «душная, сухая тревога», «бессмысленный срам», «жжение стыда», «стыд и страх перед наступившим коммунизмом» наталкивает на сопоставительный анализ «тоски» и «тревоги», произведенный Ж.-П. Сартром. Человек, пытающийся самоуправно предлагать и утверждать действием свою систему ценностей в мире, лишенном обоснования, наказывается за такое самоуправство ощущением тоски и стыда, добавляет Платонов. Но сама эта метафизическая тревога и стыд обнаружили бы для Сартра глубинную моральность платоновских героев в отличие от «подлецов», самодовольно верящих в необходимость и обоснованность своих действий.

В «Ювенильном море» этот стыд, удостоверяющий какое-то творимое не то, пропал. Так же, как пропали и сны, когда, на время «прекратив свои убеждения», герои уходили в детство, на родину своих самых затаенных воспоминаний и чаяний. И это был дурной симптом. Круто пошедшая эпоха не оставляла надежд многим элементарно-человеческим требованиям, не говоря уже о

каком-то осознании онтологических задач. Регуляция природы, имевшая в виду новый, сознательно направляемый этап эволюции, одухотворение природы, обернулась насилием над ней, всякого рода проектами ее технизированной покорения, которыми кишит голова Николая Вермо; братотворение — неистовством все усиливающейся классовой борьбы (согласно верховной теории); свет разумного и свободного развития, которого так не хватало низким лбам душевных чевенгурцев, так и не воссиял, а сталинские «Вопросы ленинизма» утвердились альфой и омегой знания и понимания.

Таким образом, *отчуждение* понимается писателем как способ восприятия, при котором индивид ощущает себя как нечто чуждое, отстраненное от самого себя. Теряя себя как центр мира, как инициатора своих действий, человек находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им. Отчужденный человек теряет связь как с самим собой, так и со всеми другими людьми. У Платонова отчуждение сводится к следующим формам: отчуждение человека от природы, от продуктов своей деятельности; человека от человека, а также человека от самого себя. Следует особо отметить, что отражением внутреннего отчуждения является внешний образ героев, среди которых большое количество физических калек.

В основном отчуждение возникает в процессе лишения человека свободы, трансформации человеческой деятельности и ее результатов в самостоятельную силу, превращающую субъект в объект; из-за превращения каких-либо явлений и отношений в нечто иное, чем они являются сами по себе; в результате искажения в сознании людей их реальных жизненных отношений.

Сложившаяся ситуация, по мнению мыслителя, выявила следующие тенденции. Во-первых, в обществе человек теряет собственные убеждения, традиции, коммуникабельность, у него появляется ощущение одиночества; во-вторых, он уже не ощущает личную ответственность, у него нет собственного мышления, его деятельности вне «Я»; в-третьих, обозначилась трагедия самосознания человека, превращенного в ничто.

За реализацией человеческих целей последовали такие результаты, подчеркивает Платонов, которые совершенно не подразумевались в целях: человек становится жертвой алогичности. Могущество, особо воспетое писателем на первом этапе творчества,

или точнее, желание невозможного, предопределило его же бессилие. Собственная мощь противостоит человеку как чуждая сила.

Таким образом, Платонов обозначил духовную бесформенность и внутреннее разложение человека и его бессилие перед собственным развитием. Причины такой тенденции писатель видит в советской реальности, в тоталитарном государстве.

§ 3. Поиски смысла жизни

Одной из важных проблем как в философии вообще, так и в прозе Андрея Платонова в частности является вопрос о смысле и цели жизни. Некоторые ученые раскрывают смысл жизни либо через общую онтологию смысла жизни как трактовки сущего (реальный и ретроспективно постигаемый итог жизни индивида или общества), либо через представления о бытии человека и его смысле как актуализации некой антропологической биопрограммы или как объективно-должное, т.е. через наличие нормативной программы.

Андрей Платонов, по мнению практически всех исследователей, создал нескончаемый роман-поиск «сокровенным человеком» смысла существования, назначения, истины, счастья. «...Смысл жизни не может быть большим или маленьким — он непременно сочетается с вселенским и всемирным процессом и изменяет его в свою сторону, — вот это изменение и есть смысл жизни» [1. Т. 3. С. 548], — отмечает в своих записных книжках писатель и мыслитель.

Платонов в понятие смысла жизни вкладывает различные смысловые оттенки:

— осознание и определение своего места в жизни (данное определение характерно для раннего творчества писателя);

— осмысление жизни вообще и своей жизни в частности (в основе гносеологическая направленность, характерная для 30-х гг.);

— умение сохранить человеческое начало не потерять нравственных оснований. Способность реализовать и сохранить свои человеческие возможности в критических ситуациях (относится к военному времени, когда акценты переносятся в сферу этики и нравственности).

Для чего живет человек? В чем его главная цель и предназначение? Вопрос об истине, тождественный в понимании Платонова вопросу о смысле человеческого существования, проходит

лейтмотивом через все его творчество. В творческом наследии Платонова проблему поиска смысла существования можно свести к поиску «той вольной пламенной силы, которая творит и разрушает вселенные». Право на этот поиск дает ощущение сопричастности этой силе: «Душа есть тот же огонь, каким зажжено солнце», поэтому «что человек поймет вперед — себя или природу — не важно., раз человек и вселенная — одно».

Однако самый сложный и важный вопрос, который возникает в связи с выдвинутым тезисом, — а для чего человеку потребовалось объяснение и понимание мира и жизни? Если человек един с окружающим миром, то почему он ставит перед собой такую дилемму. «Ведь трава растет пока растется, и не знает ни горя ни радости в человеческом смысле», — восклицает писатель. Платонов мучительно пытается обосновать этот феномен и приходит к следующему выводу: ключ к разгадке в сознании человека.

Приведем пример его рассуждений, изложенных в философском трактате «О любви» (1934): «В порядках борьбы за существование, в каких-то организмах, предшествующих человеку, родилась мысль как новая мощная органическая функция для жизни и победы. В человеке мысль достигла своего расцвета, высшей силы и совершенства. Этот новый орган жизни требует себе соответствия, равновесия с миром. Если чувства, которые гораздо древнее мысли, уже нашли общую, уравнивающую их в мире точку в форме наслаждения, то мысль еще не твердо стоит в мире, мысль, так сказать, не сбалансирована с природой, и от этого происходит всякая мука, отравы и порча жизни, чувство расцветает в миге наслаждения, — и чувство нашло себе пищу, равновесилось, усиливается и служит целям человека. Мысль не нашла себе еще ответа. Ответить же и удовлетворить мысль может только истина, и не осколки истины (часть истины — всегда ложь, только вся истина — истина), а вся истина» [1. Т. 3. С. 406].

Из приведенного выше отрывка следует, что для Платонова чувства, предшествующие сознанию, нашли равновесие с миром в виде наслаждения, а мысль еще находится в поиске истины, достичь которую в полном объеме весьма сложно, да и не всегда возможно. Поэтому «неравновесие мысли и мира, то есть отсутствие истины» привели человечество к поиску такого равновесия, а инструментами для этой цели, по мнению писателя, могут стать религия и наука.

Но, к сожалению, на современном этапе развития человечества ни религия, ни научные знания не дали объяснения истины. Причина заключается не столько в несовершенстве веры или знаний, в их вероятностной природе, сколько в том, что вопрос о поиске истины — это «местный вопрос.., чисто человеческое свойство», которое мешает ему жить полноценно. До конца познать мир, узнать истину — это значить покорить мир, «а раз мы покорим мир, мы освободимся и возвысимся над ним, создадим иную вселенную» [1. Т. 3. С. 406]. Почти в то же время Альбер Камю в «Эссе об абсурде» пишет: «Будь я деревом или животным, жизнь обрела бы для меня смысл. Вернее, проблема смысла исчезла бы вовсе, так как я сделался бы частью этого мира. Я был бы этим миром, которому ныне противостояю всем моим сознанием... Ничтожный разум противопоставил меня всему сотворенному» [60. С. 55].

Но что это будет за вселенная? У Платонова две модели: во-первых, мир, в котором «царствует юный царь — сознание», а во-вторых, мир, в котором главный смысл заключен в самом человеке или другом человеке.

Победа сознания описана во многих произведениях писателя, таких как «Эфирный тракт», «Лунная бомба», «Новогодняя фантазия. Жажда нищего (видение истории)» и других, в основном относящихся к первой фазе творчества.

Мы остановимся на анализе произведения «Новогодняя фантазия. Жажда нищего (видение истории)», отражающего эту проблематику. Здесь описывается будущее человечества, в котором мысль практически нашла «равновесие с миром». Однако вместе с тем «века похоронили древнее человечество чувств и красоты», да и само человечество — это не «система личностей», а «одна цельная точная математическая фигура» [1. Т. 2. С. 56], — Большой Один.

Большой Один находится в состоянии покоя, которое нарушает Я-Пережиток — злая сила, единственная Тайна мира, не уничтоженная сознанием. Эта сила обладает чувствами, страхами, желаниями, воспоминаниями — всеми теми качествами, характерными для человека, а самое главное, «последней упорной душой». Единственной радостью становятся воспоминания прошлого.

Калейдоскопом встают предшествующие века, начиная с эры Электричества, когда наконец-то свершилась победа человечества

над природой. Человек при помощи сознания одержал победу над смертью: «смерть стала редким случайным явлением, и ей удивились, а умерших немедленно воскрешали». Главным органом стала голова, дом мыслей, а остальные органы отмирали за ненадобностью, вместе с ним угасали чувства и желания человека. Любовь, красота, страсть не исчезли, но люди «не жили этим, а только осознавали это». Жизнь останавливается, признаками вырождения человечества становятся отсутствие смеха, уничтожение природы, вырождение женщин и, как следствие притяжения между полами, погружение мира в тишину.

Постепенно наука сводится к технике. «Мир перестал шевелиться, двигаться, давать чем-нибудь знать о себе: всякое усилие, всякое явление природы переходило в машины прежде своего проявления в действии и там уже разряжалось, но не впустую, а производило работу. Реки не текли, ветры не дули, гроз и тепла давно не было — все умерло в машине и из машины приходило к людям в самой полезной, совершенной форме — пищей без остатков, кислородом, светом, теплом в количестве точной нормы» [1. Т. 2. С. 34]. Но забытые чувства дают ощущение надежды, нашедшие отражение в песне Электрона: в мире еще существует неизвестная энергия, приводящая в движение механизмы. Для распознавания этой невиданной силы были уничтожены остатки чувств, источником которых являлись женщины (их уничтожили). Человечество стремилось к поиску «единого вещества — к созданию материи одного простого химического знака». Решив и эту проблему, «сознание стало душой человека, но мир по-прежнему противопоставлен человеку» [1. Т. 2. С. 32].

Автор приходит к выводу, что мир можно полюбить, когда он станет человечеством, истиной, а вне нас — он худший враг, слепой несвязанный зверь, то есть слияния человека с миром не произошло, наука, мысль, сознание это сделать не в состоянии, и тогда человечество решило уничтожить мир. Осталось одно сознание, носителем которого были Большой Один и Я-Пережиток, в этот момент чувства, которые уничтожить не удалось, вспыхнули с новой силой, и «я понял, что больше Большого Одного; он уже все узнал, дошел до конца, до покоя, он полон, а я нищий в этом мире нищих, самый тихий и простой. Я настолько ничтожен и пуст, что мне мало вселенной и даже полного сознания всей истины,

чтобы наполниться до краев и окончиться. Нет ничего такого большого, что бы уменьшило мое ничтожество, и я оттого больше всех. Во мне человечество со всеми своими грядущим и вся вселенная со своими тайнами, с Большим Одним. И все это капля для моей жажды» [1. Т. 2. С. 33].

Таким образом, как бы человек ни пытался наполнить себя знаниями, он настолько «ничтожен и пуст», что осознать «до краев» весь мир не в силах, потому что он сам является неотъемлемой частью этого мира. В рассказе «Маркун» герой делает следующий вывод: «Теперь я узнал, что я — ничто, и весь свет открылся мне, я увидел весь мир, никто мне его не загораживает, потому что я уничтожил, растворил себя в нем и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только теперь я стал миром» [1. Т. 1. С. 31].

Овладение истиной мира для его покорения приводят лишь к «миражу истины», к обману в виде науки или религии. Платонов спрашивает: «Что нужно делать, чтобы и мальчику и мне жилось хорошо, то на мой вопрос, как назвать ту ласковую силу, которая в нас бьется и ведет нас к счастью и силе, мальчик отвечал: моя мама...И он сам сказал, как легко ему стало после того, как он понял жизнь. Оказывается, он ее не понимал. А до этого он сидел угрюмый и бледный, со скорчившейся от тоски душой. Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою богородицу. Сознание, что на небе есть благая богородица — роднее и ласковей матери, дает сердцу мужика любовь и силу, и он веками ходит за сохой и работает и живет как мученик. Если мы хотим разрушить религию и сознаем, что это сделать надо непременно, так как коммунизм и религия несовместимы, то народу надо дать вместо религии не меньше, а больше, чем религия. У нас же многие думают, что веру можно отнять, а лучшего ничего не дать. Душа нынешнего человека так сорганизована, так устроена, что, вынь только из нее веру, она вся опрокинется и народ выйдет из пространств с вилами и топорами и уничтожит, истребит пустые города, отнявшие у народа его утешение, бессмысленное и ложное, но единственное утешение. Вы скажете, но мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит. Наука в современном смысле и существует-то только 100—150 лет, религия же десятки тысяч лет. Что же сильнее и что глубже въелось в нутро человека? Сами ученые, самые вожди

науки почти все были верующими людьми. Наука еще стоит на таком низком уровне, что не может быть руководительницей человека, силой, стоящей выше его. Жизнь пока еще мудрее и глубже всякой мысли, стихия неизмеримо сильнее сознания, и все попытки замещения религии наукой не приведут к полной победе науки. Людям нужно другое, более высшее, более универсальное понятие, чем религия и чем наука. Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную, мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама эта чудесная бессмертная жизнь, откуда выросла эта маленькая веточка — религия, которая теперь засыхает, и на месте ее, на одном с ней стволе вырастает другой цветок — наука, память» [1. Т. 3. С. 405].

А вот выводы Вогулова из повести «Потомок солнца», к которым он приходит через испытания силой сознания: «мысль в ненависти и отчаянии истребила тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, — душа другого человека...» [1. Т. 1. С. 40]. Человеку нужна не только истина, красота, свобода, но и вера, которая дает смысл жизни.

Через своих героев Платонов пытается оценить окружающий мир, что, по его мнению, должно придать определенный смысл познанию и деятельности вообще. Оценка мира стимулирует и выводит определенный смысл жизни. «Главный вопрос, — утверждают К.Н.Любутин и Д.В.Пивоваров, — человеческой экзистенции: что есть и для чего есть Я? Смысл жизни — тождественен духовному бытию человека, определенность, мера целостности его внутреннего мира и интегральный параметр истории переживаний людьми. Смысл жизни служит хронометром индивидуальной экзистенции... собственного духа: истинная — неистинная — бессмысленная» [88. С. 191—192].

По оценке окружающего мира можно судить о состоянии духовного мира человека, который эксплицировать достаточно сложно. Существуют термины, отображающие качество внутреннего мира человека, такие как «дух», «духовное», «духовная жизнь». Эти термины нельзя отождествлять с сознанием, идеальным, психологическим. Духовное — это совокупность сознательного, подсознательного и бессознательного. В итоге слияния этих сфер рождается внутреннее Я. «Духовное объемлет собой все феномены внутренней жизни человека» [88. С. 193]. Сферы сознательного,

подсознательного и бессознательного являются самостоятельными системами, которые могут вступать в противоречия как внутри одной системы, так и между собой. Такое представление о человеке встречается в различных философских и религиозных концепциях, в частности, в учении Платона о трехчленной душе, в христианском делении человека на дух, душу и тело, гностических учениях о человеке, в воззрениях П.А.Флоренского.

Сознательный уровень представлен Платоновым внутренним миром человека. Герои, имея свой внутренний мир, вступают в противоречие как с окружающим миром, так и с самим собой. Бытие, деятельность, труд вносят определенные изменения во внутренний мир человека, тем самым процесс влияния и формирования внутреннего мира и бытия является обоюдным. Внутренний мир и окружающий мир порождают противоречия, которые выражаются в переживаниях. Необходимо отметить, что у Платонова не все герои «переживают» по поводу противоречия между внутренним Я и действительностью. Если герои живут в согласии с миром, принимают его таким, каков он есть, то, как правило, смысл жизни заключается в самой жизни, а вернее, существовании, и зачастую кроме сочувствия (ощущения со-причастности к кому-то) ничего не требуют от жизни. Некоторые персонажи писателя не ищут себя, так как этого и не требуется: неотступность себя, собственной мысли очевидна. Они ищут мир. Герои Платонова ищут и никак не могут обрести именно инкорпорированный смысл, истину как воплощение, как преображение собственной плоти, полноту самоиспытания в слиянии с общемировой энергией. Они ищут свое место в мировом пространстве.

Галерея платоновских героев представлена думающими, осознающими этот мир. Сознание раскрывает противоречия между чувственным и рациональным. Знание выступает в роли разграничителя между разумом и чувствами, следовательно, формирует определенные цели и средства деятельности. Без знания о мире нельзя найти дорогу в жизни. Неполнота знания ведет к нереализованности, а в конечном итоге к пустоте, тоске, ненужности, отчужденности.

Подлинное потрясение — смерть дорогого, любимого существа — является самым мощным генератором того всплеска, который выбрасывает все «внутреннее» в человеке на поверхность, делая невыносимым дальнейшее пребывание наедине с собой.

И тогда сознание начинает долгую, упорную работу, необратимую по своим последствиям. Но работа эта направлена не «вглубь», не на детализацию или тщательную проработку какой-то мысли, положения, теории; душа живет не для себя, но максимально выворачивается «наружу», вовне. Часто у Платонова герои, переживающие потерю любимых, «перестают думать», но при этом начинают «...всматриваться в различные подорожные предметы — в стебли мертвой травы, упавшей с чьей-то арбы, в куски переваренной пищи осла, в русский ветхий лапот, неизвестно с какого дальнего странника; остатки и следы чужой жизни» [1. С. 48], отвлекаясь от собственного горя, печали, бед, трудностей. Такие герои у Платонова лишены внутреннего. Цель — через «сердечное внимание», центрирование душевных сил в сердце дать образ «внутреннего человека».

Его метод — художественная реконструкция внутренних процессов, детальное описание телесных ощущений. «Внутреннее» — весьма загадочная категория для обозначения участвующего в процессах становления существа человека. Это зона, побуждающая вновь и вновь отмечать собственные границы, подтверждать единичность как уникальность и охранять сферу опыта как своего собственного, инспирирующая поиски истока существования в себе самом. Сфера внутреннего обнаруживается путем поиска содержания собственной душевной жизни, в сопоставлении элементов окружающих вещей и людей (поскольку они предстают объектами среди других объектов). Разумеется, «внутреннее» — лишь метафора для силовой точки концентрации, отражения, предметно-событийного порядка мира, для образования внутреннего как «складки внешнего», по словам Делеза. У стойков данное содержание обозначается термином «воля». Воля — символ устойчивости, способной выдерживать воздействия, проводить различия и конституировать идентичность, совершая перевод «внешнего» во «внутреннее», обнаруживая в событиях и вещах лишь то, что сам разум, наделенный волей, «вложил» в них.

Такое «волевое освоение» мыслью мира у Платонова приобретает поиск «вещества существования». Тайный смысл всего существующего в преходящем. Камешки, былинки, слипшийся прах, останки насекомых и людей всегда «с расчетом» укоренены в плане имманентности, где метафизическое место есть у всего,

кроме сознающего себя человека. Равнодушная повседневная жизнь человека утешается случайно найденными пустыми вещами, отторгнутыми уместностью природного бытия, малозначительными разговорами, позами, жестами, автоматическим совокуплением, не избавляющим от тоски тщетности.

Платонов описывает неуместность и чуждость мысли миру ветра, солнца, песка, дождя, оврагов и лощин. Бессмысленная природа не знает цели и истины своего существования, но при этом она совершенно не нуждается в человеке для определения этой истины. Степные или морские просторы не говорят человеческим голосом и не слышат его. Природа не отвечает на вопросы человека, она безмолвна и равнодушна.

Уподобление миру, слияние с ним возможно лишь в смерти. Надо освободиться от сознающего самого себя в беспокойстве чувств тела как твоего, проживающего твою жизнь (перестать быть «одинаковым человеком»), нужно умереть, чтобы умиротвориться — слиться с миром. Сафронов, герой повести «Котлован», восклицает: «Неужели внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план?» [18. С. 107].

Проблема смысла жизни осознается героями через переживание конечности человеческого существования. Ощущение смерти вызывает тоску и заставляет различными способами впасть в состояние забвения. В частности, изготовление бесполезных вещей, чтение непонятных книг могут трактоваться как уравнивание бессмысленности самого мира.

С помощью «сердечной диалектики» у Платонова воплощаются неразрешимые противоречия природы человека. Человеческое сознание отвергает мучительное раздвоение, трагичность разделенного миробытия, понимая, что быть «по ту сторону жизни» ему невозможно без своей земной оболочки. С другой стороны, жизнь со всей ее внешней бессмыслицей является продолжением потустороннего мира. Не удовлетворяясь простым и ясным решением этих проблем, платоновские персонажи стремятся к абсолютному, сокровенной тайне «вещества существования».

Причины событий и корни вещей они, согласно с православной метафизикой, ищут в надмирных основаниях космоса и в глубинах души, там, где встречаются человеческие и вселенские загадки, — в сердце человека. Платоновские «прочие» и «душевные

бедняки» открыты миру и соединены с ним бессмертным началом своего существа.

Даже второстепенные герои писателя проявляют свою суть больше всего как личности, преобразующие первичные ощущения в сознание, которое выражает их связь с историей и современностью. Так и не найдя в себе силы, которая приспособила бы их к реальности, они принимают ее такой, какая она есть, в неустроенности, незавершенности. «Они без жалобы переживали мучения революции и терпеливо бродили по степям России в поисках хлеба и спасения» [1. С. 58], — почти по-библейски рисует Платонов картину странствий народной души. Неслучайно последняя рукопись писателя была озаглавлена: «У человеческого сердца».

Своим творчеством Платонов стремился приблизить эпоху возрождения «уничтоженного народного сознания», «когда человек напрягается в совершении добра другому человеку», потому что «сердце способно и зло переработать, обратить в добро и силу — себе и другим» [6. С. 407, 408—410].

Стремление, жажда жизни, не подчиненная прямому волеию и рациональным определениям, не уловимая законом и нормативностью, в психоанализе XX в. получает название «бессознательного».

Бессознательный уровень основывается на противоречии инстинктов, в первую очередь страхах, которые ведут к определенным установкам. Установки могут быть как со знаком плюс (самозащита), так и со знаком минус (сублимация). У Платонова в большей степени происходит установка, которая реализуется в сублимации жизненной энергии — и созидательной, и разрушительной.

У человека есть «внутренний голос», «второе я», получивший различные определения — «мертвый брат человека», «евнух души», «угол сознания», «равнодушный наблюдатель», «сторож». Наличие двойника, вытесняющего «истинное знание», свидетельствует о бессознательном уровне, поэтому «второе я» никогда не лжет, и все знает.

Данный уровень раскрывается в пограничных ситуациях: в момент глубокого потрясения, во сне, в болезненном бредовом видении, перед лицом смерти. Именно в этих бессознательных актах раскрывается смысл жизни. В повести «Джан» есть такой

эпизод: главный герой произведения Чагатаев вел народ джан в пустыне по следу овец, являвшемуся единственным ориентиром, но ветер стер эти следы, и в этот момент Чагатаев *понял жизнь*.

Сны также занимают значительное место в произведениях писателя, и это не случайно, ведь именно во сне человек живет «главной жизнью». Сон — это возможность вернуться к истокам, в материнскую утробу, именно там истина была открыта, но, родившись, человек уходит от нее, постепенно забывая смысл жизни.

Интересно отметить, что Эрих Фромм трактует сознание как «смесь из ложной информации, предубеждений, иррациональных страстей, рационализаций и предрассудков» [148. С. 104], в бессознательное же включается истинное знание. Концепцию подавления истины Фромм иллюстрирует легендой Талмуда, раскрывающей саму тайну «забвения истины»: при рождении ребенка ангел, коснувшись его лба, «стирает из памяти» знание об истине. Эти мысли весьма созвучны взглядам самого Платонова. Такое знание истины, наряду со смертью и сном, есть момент иррациональности.

Подсознательный уровень занимает промежуточное положение между сознательным и бессознательным компонентами. Подсознательный модус порождает при помощи сознательного веру. «Вера снимает в себе противоположности любви и ненавистью регулирует поведение обратными связями, которые принимают формы надежды и смирения» [88. С. 194]. Главные понятия, связанные с понятием веры, — истина, человек, мир, тоска, человеческое сердце, мысль, имя. Проясняя их субординацию, мы постепенно выявляем сущность платоновского понимания веры. Человек в произведениях Платонова ищет истину, тождественную для него вопросу о смысле жизни. Отсутствие «ответа» на этот вопрос порождает состояние «метафизической тоски» (синонимом которой у Платонова выступают понятия «скука», «стыд», «тревога»). Человек ощущает себя «заброшенным» в мир. В этом отношении писатель выделяет два типа людей.

К *первому типу* относится подавляющее большинство людей, для которых «отсутствие» смысла жизни неосознанно. Напротив, безотчетное состояние тоски порождает у них стремление забыться — для того, чтобы «нормально» жить. Такое забвение дает только вера, которую Платонов понимает предельно широко. Вводя в свои произведения понятие «человеческое сердце», писатель

подчеркивает его особенную роль: сердце — это пограничная область между мыслью и чувством, и в силу этой своей особенности именно сердце способно воспринять истину. Платонов устремлен к потаенному в человеке.

С мистическим христианством он сближается в его учении о человеке, живущем «под знаком своего сердца». Сердце оказывается, таким образом, высшим жизненным органом, который подчиняет себе человека, его земную судьбу. Платонов предложил такое рассуждение, где сердце и смертное человеческое существо могут обозначать один и тот же предмет. Однако в сердце еще вмещается бытийный опыт, который должен передаваться каждой личности как надежда. Этот опыт обрастает духовными накоплениями. Сердце тогда станет носителем духа, продолжающего свою жизнь в человеке, соединяя его с непреходящей реальностью — вечностью.

По Платонову, вера «прикрывает» открытое для истины сердце и дает тем самым человеку возможность забыть, мысли же об истине — вытесняет. Таким образом, вера — это своего рода защитный механизм, «броня над сердцем», «умственный покой», позволяющий большинству людей жить, не задаваясь вопросом о смысле своего существования, об истине.

Ко *второму типу* относятся люди, живущие с «обнаженным» от веры сердцем. Таких людей очень немного, они актуализировали проблему конечности своего существования и осознали ее как проблему смысла жизни, проблему истины. В связи с выделением Платоновым людей, живущих с «прикрытым» верой сердцем, и людей с «обнаженным» от веры сердцем, можно обозначить два способа отношения к реальности: забвение и успокоенность, растворенность человека в повседневности — неподлинное существование. С другой стороны, постоянное «вопрошание» бытия, невозможность жить без истины подразумевает состояние «открытого» сердца, отказ от любой веры как сознательную установку и ситуацию внезапного прозрения, когда «броня» веры разом падает с человеческого сердца в результате экзистенциального потрясения. Выражением такого состояния может служить термин «пограничная ситуация», которая характеризуется моментом вне рациональности. Истину невозможно «постичь» разумом, она «достижима» лишь тогда, когда сливаются субъект и объект познания.

Подсознательный уровень представлен совестью. Совесть управляет человеком посредством раскаяния и стремления к праведности. «Таким образом, духовная жизнь человека... представлена взаимоотражением знания (меры сознательного), установки (меры бессознательного) и оценочными бессознательными состояниями веры и совести» [88. С. 195].

Во внутреннем мире героев обнаруживаются противоречия между совестью, верой и знанием. Однако противоречия могут подчеркиваться внешними событиями, которые способны определять поведение человека (например, в «Мусорном ветре», «Котловане», «Чевенгуре»). В связи с этим отношение героев к себе, к другим людям, к своей незавершенной сущности достаточно неоднозначно.

Безмерность человеческого присутствия (несоизмеримость себя с сущими мира и другими людьми), одна только и способна быть основой смысла, невоплотимого, однако, в веществе мира. Истина предстает как наваждение, дьявольское искушение (заявление Вощева, что ему «без истины стыдно жить», вызывает в Сафронове сомнение, «не есть ли истина лишь классовый враг»), «смутное вожделение тщетного ума», жаждущего обнаружить некоторую конкретно зримую, осязаемую, телесно обладаемую вещь, воплощающую «смысл жизни и истину всемирного происхождения», найти смысл как вот здесь наличествующий, не подверженный порче и искажению случайными человеческими проступками, толками, недомыслием. Вожделение есть устремленность к тому топосу, пребывание в котором гарантировало бы гармоничную сочлененность, взаимную «прилаженность», «пригнанность» душевных (мыслительных) и телесных движений со всем целостным мироустройством.

На каждом жизненном этапе оценка мира, а следовательно, и целеполагание у Платонова менялись. Стремление Платонова ставить нравственные вопросы сопровождается показом душевных перемен.

На раннем этапе — это поиск истины через познание окружающего мира, в 30—40-е гг. — отображение бессмысленности существования человека в тоталитарной системе, поэтому смысл жизни заключается не в окружающем мире, а в нем самом.

Следует отметить, что проблема существования у Платонова всегда сопрягается с политическим контекстом. В советском обществе провозглашается главный смысл жизни — коммунизм. Русский писатель иронично демонстрирует эту мысль в текстах, поскольку смысл жизни, по его мнению, не может быть основан на идеологии, так как это всего лишь идеи, при помощи которых можно воздействовать на определенную часть людей, заставляя их выполнять определенные цели и задачи, а не свои личные.

Поэтому Платонов в своем творчестве доказывает необходимость синтеза рациональности и иррациональности, ведь человек является носителем своего внутреннего мира и строителем внешнего мира, в котором есть место и разуму, и интуиции, и предчувствию.

Несомненная связь мысли и чувства реализует себя в целостном духовно-телесном действии персонажей. Причем сердцу и уму в писательском представлении о человеке придается не одинаковое значение. Слова, жесты и поступки людей порождаются сердечной силой. Сосредоточенная в сердце воля побуждает их к добру, к братолюбию. Исследуя идейно-философскую систему Платонова, мы видим, что таковы основные душевные импульсы платоновских странников, мастеровых, «душевных бедняков», «прочих», в которых заключен «философский концентрат» людей «с большим сердцем, но не просветленным умом и сознанием».

Однако разум уступает сердцу первенство в работе духа. У его героев разум оставляет позицию внешнего наблюдателя, переходя вовнутрь. С другой стороны, сознание может изгоняться наружу. Оно вытесняется теплотой сердечного чувства, как это произошло в эпизоде из «Чевенгура», когда вытесненное слабое сознание сравнивается с ангелом-хранителем. Придерживаясь принципа согласия духовных сил, Платонов показывает, как ум, включенный в работу души, «начинает делать то же — оказываясь сошедшим или сведенным в сердце» [11. С. 96].

Как правило, у него описывается течение чувств и мыслей героя в их единстве. Перетекание эмоций от инстинкта к осознанному суждению разбито на отдельные стадии. На этом пути человеку необходимо преодолеть «плотину чувств» — преграду страстей. Все это мы наблюдаем в сфере, доступной лишь интуиции и внутреннему зрению.

В «Чевенгуре» появляется момент совмещения работы сердца с движением. Так испытываемое Двановым ощущение перехода сознания в сердце знаменует собой выход в иную реальность: «Дванов опустил голову, его сознание уменьшилось от однообразного движения по ровному месту. И то, что Дванов ощущал сейчас как свое сердце, было постоянно содрогающейся плотиной от напора вздымающегося озера чувств. Чувства высоко поднимались сердцем и падали по другую сторону его, уже превращенные в поток облегчающей мысли. Но над плотиной всегда горел дежурный огонь того сторожа, который не принимает участия в человеке, а лишь подремывает в нем за дешевое жалование. Этот огонь позволял иногда Дванову видеть оба пространства — вспухающее теплое озеро чувств и длинную быстроту мысли за плотиной, охлаждающейся от своей скорости. Тогда Дванов опережал работу сердца, питающегося, но и тормозящего его сознание, и мог быть счастливым» [18. С. 134—135].

Еще одной составляющей смысла жизни может выступать профессия, определенная деятельность, в зависимости от реализации которых формируется отношение к жизни. Для Платонова такой идеальной профессией является тяга к познанию сущностей вещей от технического устройства до внутреннего мира другого человека. Нереализованность в профессиональной жизни заставляет погружаться в себя. Такое погружение может обнаружить:

- духовную пустоту;
- мотивацию поиска иного смысла жизни;
- трагедию, катастрофу.

Человек зависит от общества, живет по его законом, поэтому смысл жизни состоит в исполнении своего долга перед обществом, самопожертвовании ради других.

В зависимости от того, как человек выполняет свою общественную функцию, зависит собственное Я и смысл жизни. Внешняя ангажированность ведет к одиночеству. Душевное одиночество может быть сознательно выбрано, а может быть вынужденным. Платонов считает, что провести границу между осознанным и неосознанным одиночеством очень сложно. Некоторые герои Платонова не сопротивляются обществу и не задумываются над проблемами, существующими в нем. Как правило, и внутренний конфликт отсутствует.

Прорыв к себе, к своему смыслу жизни есть результат переживаний. Человек часто живет вопреки своему пониманию смысла жизни. Осознанность бытия не тождественна духовности, жизнь бывает осознанной, но почти бездуховной.

Также одним из показателей духовности человека является любовь — самое прекрасное и неоднозначное понятие в творчестве Платонова. Любовь — это сила, действующая наряду с природными силами в человеческом мире. В 1934 г. Платонов писал жене: «...Как хорошее не только любить, но и верить в тебя как в Бога, но и иметь в тебе личную, свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени» [15. С. 652]. Мыслитель ставит любовь и религию на один уровень, причем любовь воспринимается как нечто большее в отличие от религии.

Проследим дальнейшие рассуждения писателя на эту тему. «Любовь — мера одаренности жизнью людей, ...но любовь, как всякую природную силу, можно приложить и иначе. Как электричеством ею можно убивать, светить над головой и греть человечество» [1. Т. 3. С. 535]. Любовь помогает человеку наполнить свою жизнь смыслом вне зависимости от способностей и политической обстановки. Таким образом, становится очевидным, что любовь занимает особое место в мирозерцании Платонова.

«...Любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искреннейшими идеями — осуществление через него (любимого — любимую) своего смысла жизни» [Там же. С. 549] — такое заключение делает писатель.

По мнению автора, истинная любовь должна быть чистой, непорочной, «платонической». При этом любить человек может все то, что его окружает: природу, другого человека, идею, металл, науку, разум и т.д. Главным условием выступает возможность приблизиться к вечности. Именно поэтому герои зачастую больше любят металл, машины, науку, идею, свои мечты, образы, нежели живых людей. В основном любовь рассматривается в трех аспектах:

- любовь как возможность прикоснуться к вечности;
- любовь как попытка заглушить одиночество;
- любовь как томление по другому телу, вожделение.

В некоторой степени можно говорить о том, что любовь воспринимается писателем в метафизическом плане, в русле философии

всеединства как импульс к совершенствованию, к бессмертию, а также в русле христианской традиции онтологического и этического восчувствования любви.

Напомним, что Соловьев в «Смысле любви» указывает на то, что только любовь может бороться с единственным врагом — смертью. Платоновские герои в любви ищут счастья и бессмертия. Страсть присуща героям не только в любви, но и в поиске истины, раскрытии тайн мира и человеческого естества, в преобразовании природы вещей. В данном случае женщина мешает, отвлекает. Поэтому любовь — это высшее качество, эмоция человека, которая помогает прийти к иной логике бытия, дотянуться до метафизического уровня.

Отношение к любви у Платонова со временем несколько меняется. От любви к дальнему, тесно связанной с любовью к будущему и преобразованию, — до любви к ближнему, любви добра и света. Такой переход характерен для русской философии: он развит в концепциях Вл.Соловьева, Н.Бердяева, идеал милосердной сострадательной любви раскрыт П.Флоренским.

«Человек как существо чисто природное с одним материальным положением жизни (каким он является в социализме) не может иметь никаких прав и обязанностей — он имеет только влечение и интересы» [135. С. 139.], — указывает В.С.Соловьев.

В своем творчестве Платонов наглядно демонстрирует, что в реальности мы больше имеем дело с влечениями и интересами, нежели любовью. Причины автор видит в общественном отношении к данной проблеме. В 20-е гг. люди в нашей стране, как правило, все свои помыслы и мечты направляли на реорганизацию общественного устройства, вследствие чего им было не до любви. А в 30-е гг. для Платонова понятия социализма и коммунизма становятся мифом, автор приходит к выводу, что именно любовь может спасти мир и обеспечить духовную гармонию человеку.

Любовь — это область сердца, которое ставится мыслителем выше разума. «Приоткрытое верой сердце обнажается для истины, люди становятся как боги, знающие добро и зло, но при этом они остаются людьми и их человеческие сердца не выдерживают этого нечеловеческого знания. Для них настало время, когда был ясен смысл вещей, но уже в утро второго дня они должны умереть. Пережив истину как целую жизнь, люди уходят в небытие, в

смерть, зарываясь все глубже и глубже в котлован. Так, котлован для “общепролетарского дома”, где будут счастливы люди, превратился в общую могилу пробудившихся для истины людей» [18. С. 45], — пишет Платонов в «Котловане».

Главный герой этой повести Воцев — образ тоски и поиска истины, — истомившись в безответном вопрошании приходит к мысли — истины нет: «...все равно истины нет на свете или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но шел дорожный нищий и съел то растение или растоптал гнеущуюся низом тварь, а сам умер затем в осеннем овраге, и тело его выдул ветер в ничто» [18. С. 67].

В противовес Воцеву в повести введен образ «сельского активиста», носителя «смысла всеобщего существования», в руках которого сосредоточены все основные вопросы жизни и смерти, общение с ним вызывает у героя чувство опустошенности. Смерть «сельского активиста» дает на время ощущение надежды отыскать смысл существования, но вскоре умирает девочка Настя и именно в этот момент у всех окружающих открылось сердце для истины: «Воцев стоял в недоумении.... Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением? Воцев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой... Воцев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал» [18. С. 186]. Платонов приходит к мысли о постижении истины через ребенка, а в послевоенное время тема детства становится центральной.

Таким образом, в философском творчестве Платонова проблема поиска смысла жизни является весьма актуальной. Но единственно верного решения этой проблемы у него нет: ведь поиск смысла жизни — это показатель духовного начала в человеке. В духовном мире выделяются знания (сознательный уровень), установки (бессознательный уровень) и оценочные состояния — вера и совесть. Именно человеческое сердце, а не разум может быть открытым для истины — эту мысль писатель подчеркивает практически на протяжении всего творческого пути.

Заключение

Подведем основные итоги исследования проблемы человека в творчестве А.П.Платонова. В произведениях автора прослеживается установка на познание мира и человека, что является отличительной чертой философских жанров. Анализ антропологических взглядов писателя потребовал рассмотрения вопроса о месте творчества писателя в истории философии. В рамках обсуждения данной проблемы были проведены параллели с философией «серебряного века», русским космизмом, марксистским пониманием роли и места человека в мире. Русский писатель подчеркивает активную роль человека в решении жизненных задач, что сближает его с основами христианской антропологии. Он — безусловный участник внутренних исканий своих героев. Сознание Платонова какой-то частью входит в своеобразную философию и религию простых людей, у которых все «имущество — одно сердце в груди» («Такыр»). Переходы их чувств в слова, страстей — в идеи, идей — в поступки детально показаны художником-мыслителем, и сам Платонов незаметным образом стоит в центре этой диалектики. Через нее писатель выражает свое мироощущение, вкладывая в характеры героев часть себя самого, а в их размышления — свои сокровенные, сердечные мысли.

Для более удобного продвижения в исследовании философских мотивов творчества Платонова использован дополнительный механизм — периодизация художественного наследия писателя, с помощью которой проще проследить эволюцию образа человека, понять, какое же место занимают понятия общества, природы, отчуждения, смысла жизни в структуре платоновского мировосприятия, и как они соотносятся друг с другом.

В творчестве писателя одно из первых мест занимают метафизические взгляды, которые раскрываются в сопоставлении мира человека и природы. Следует отметить, что именно онтологические искания, с одной стороны, тесно связаны с практической гносеологией, а с другой — проецируют антропологическую и этическую проблематику у Платонова. В связи с этим в формулировках ракурса художественно-философского мировоззрения писателя метафизическая картина мира преобладает, особенно в первой и отчасти во второй фазе творчества. Однако в начале 30-х гг.

для писателя характерно пристальное внимание к исследованию «вещественности мира», что позволяет говорить об антропоморфном гилозоизме. В последней фазе творчества на первый план выдвинуты экзистенциальные проблемы человека, свидетельствующие об антропологической доминанте в творческих исканиях Платонова.

С понятием человека тесным образом связано понятие природы. Реконструкция этого понятия проводилась методом контекстуального выявления основных понятий, соотносимых с данным концептом, что позволило, в свою очередь, определить место в структуре платоновского мировосприятия окружающего мира. Главные понятия, связанные с понятием природы, — «универсум», «техника», «человек». Проясняя их субординацию, мы постепенно выявили сущность понимания природы Платоновым. С одной стороны, человек и природа едины, а с другой — противопоставлены друг другу. Взаимодействие этих компонентов порождает двойственность положения человека в природе. Следует отметить, что в произведениях писателя невозможно однозначно определить человека как сознательное или инстинктивное, доброе или злое, биологическое или надприродное существо. Писатель задумывается над двойственным, промежуточным положением человека в мире по отношению к природе и социуму. Что в большей степени влияет на него — природная основа (субстрат) или общественные отношения?

Русский мыслитель приходит к выводу, что субстрат — не застывшая форма, он способен к эволюции, которая осуществляется благодаря изменениям и развитию материальных производительных сил и производственных отношений.

Глубинное натурфилософское мировидение сближает творческие искания Платонова с взглядами философов-космистов В.С.Соловьева, Н.Ф.Федорова, несмотря на то что для В.Соловьева и Н.Федорова преобразование окружающей действительности осуществлялось в христианской традиции, а для А.Платонова — в социально-утопической.

Следующее понятие, без которого невозможно раскрыть образ человека, — это общество. Человек раскрывает свою сущность благодаря социальным связям (в данном случае рассматривается в русле марксизма). Возникает противоречие между реальностью

и иллюзорным бытием. Существуют два полюса иллюзорного бытия, каждый из которых не может стать реальным без другого. Один полюс — разрозненные, распавшиеся индивидуальные жизни без объединяющей идеи, другой — гармония целого, не включающая происшествий, которые бы меняли всю историю вселенной. У Платонова явно прослеживается мысль об иллюзорности индивидуальных событий, не связанных в общее гармоническое целое, и иллюзорной космической гармонией, игнорирующей индивидуальные судьбы.

В своих произведениях Платонов утверждает образную реальность жизни человеческого духа. Его философия не ведет к утрате веры, живущей внутри человека в виде абсолютной ценности. Писатель склонен к тому, чтобы признать действительным религиозное чувство единства личности с личностью — чувство любви к ближнему. Оно становится основным принципом взглядов Платонова на человека. Платонов создает многомерный образный мир, обращенный к человеческой душе и завораживающий нас глубиной раскрывающихся духовных смыслов. Движущая идея художника оказывается куда более тесно связанной с традицией православной культуры, ее народно-религиозной стороной, чем с утопическими учениями или научным рационализмом. Эта идея характерна для него с самого начала творческой жизни. Она проявляется в обращении к сокровенному центру личности.

Духовное содержание этих внутренних переживаний в их целокупности и полноте Платонов понимает как скрытую истину. Платонову не свойственно идеализировать человека. Он не предлагает идеального плана переустройства вселенной, избавления человечества от социальных бед и конфликтов. Уже в конце 1920-х гг. он изображает крушение той утопии социализма и коммунизма, которая захватила массовое сознание, заменила в нем идею спасения души. Потрясающая картина людского горя, обусловленная трагической структурой личности писателя, самой исторической действительностью, явлена на страницах его рассказов, повестей и романов. При этом молчаливое отрицание новых социально-политических установок, их проведения в жизнь не могло быть ясным и прямым. Оно лишь иногда прорывалось включением отдельных сцен и разрушенных человеческих судеб, демонстрируя

результаты духовной катастрофы, произошедшей в современной Платонову России.

Таким образом, проведенный анализ проблемы соотношения человека и общества выявляет философское мироощущение А.П.Платонова, близкое «метафизическому социализму», из которого не выводится социально-политический коллективизм, навязываемый советским обществом, что в свою очередь раскрывает антропологическую позицию писателя, опирающуюся на традицию онтологизма в философии. Собственно человеческое здесь включено в общий мировой процесс и производно от над-человеческих начал. Онтологическая концепция А.П.Платонова переходит в социально-философское учение, связующим звеном между ними является антропологическая схема автора. Причем собственно человеческое существование мыслится прямым продолжением космологического процесса, а социальный идеал — средством достижения совершенства человека в космически-правильной жизни.

Исследование антропологических взглядов невозможно без понятия отчуждения, которое трактуется писателем как лишение человеком своей свободы, трансформация человеческой деятельности и ее результатов в самостоятельную силу, превращающую субъект в объект. Отчуждение раскрывается в трех основных направлениях: вследствие отделения человека от мира природы, психологическое и интеллектуальное отчуждение, социальное отчуждение. Данная проблема лишает человека целостности, что приводит к разрушению личности. Решить проблему возможно при исследовании процесса возникновения отчуждения.

Творчество Платонова — сложный и уникальный феномен, и одну из основных задач настоящего исследования можно считать достигнутой, если удалось показать глубинное единство платоновского творчества, наличие ряда тем и мотивов, разворачивающихся практически во всех его произведениях: от самых ранних до последних. Одной из таких наиболее ярких и существенных тем является поиск смысла жизни. Ведь поиск смысла жизни — это показатель духовного начала в человеке. В духовном мире выделяются знания (сознательный уровень), установки (бессознательный уровень) и оценочные состояния — вера и совесть.

Платонов в понятие смысла жизни вкладывает различные смысловые оттенки: осознание и определение своего места в жизни, осмысление жизни вообще и своей жизни в частности (в основе гносеологическая направленность, характерная для 30-х гг.), умение сохранить человеческое начало, не потерять нравственных оснований в любой политической системе. Способность реализовать и сохранить свои человеческие возможности в критических ситуациях (относится к военному времени, когда акценты переносятся в сферу этики и нравственности).

Мы проанализировали многие наиболее интересные и значимые произведения Платонова. Исследование велось, прежде всего, с точки зрения заявленной темы — изучения проблемы человека. Все рассмотренные в связи с этим тексты складываются в единую картину, и здесь отчетливо прослеживается одна общая особенность — философское отображение мира и человека, а также их взаимодействие.

Указанная особенность дает основание утверждать, что творчество Платонова являет собой сочетание глубокого, самостоятельного размышления над фундаментальными вопросам человеческого бытия и уникального художественного отражения этих размышлений, что, в свою очередь, представляет богатейший источник для будущих исследований.

Литература

Источники

1. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1984.
2. Платонов А.П. Возвращение. М., 1989.
3. Платонов А.П. Голубая глубина. Краснодар, 1922.
4. Платонов А.П. Государственный житель. Проза. Ранние сочинения. Письма. Минск, 1990.
5. Платонов А.П. Деревянное растение: из записных книжек (1927—1950). М., 1990.
6. Платонов А.П. Живя главной жизнью. Повести. Рассказы. Пьеса. Сказки. Автобиографическое. М., 1989.
7. Платонов А.П. Жизнь и творчество. Библиографический указатель произведений писателя на русском языке, опубликованных с 1918 по январь 2000 г. Литература о жизни творчестве / Сост.-ред. В.П.Зарайская. М., 2001.
8. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публикации М.А.Платоновой. М., 2000.
9. Платонов А.П. На заре туманной юности. Повести и рассказы. М., 1990.
10. Платонов А.П. Повести и рассказы (1928—1934 годы). М., 1988.
11. Платонов А.П. Потомки солнца: фантастические произведения. М., 1987.
12. Платонов А.П. Происхождение мастера. М., 1929.
13. Платонов А.П. Размышления читателя: литературно-критические статьи и рецензии. М., 1980.
14. Платонов А.П. Сокровенный человек. Повести, рассказы. М., 1984.
15. Платонов А.П. Старик и старуха (Потерянная проза). М., 1984.
16. Платонов А.П. Технический роман. М., 1991.
17. Платонов А.П. Чутье правды. М., 1990.
18. Платонов А.П. Ювенильное море. Повести, роман. М., 1988.
19. Платонов А.П. Ювенильное море. Воронеж, 1988.
20. Платонов А.П. Антисексус. Рассказ // Новый мир. 1989. № 9.
21. Платонов А.П. Из неопубликованного. Рассказ. Сценарий. Наброски. Записи // Новый мир. 1991. № 1. С. 130—156.

22. Платонов А.П. Ноев ковчег (Каиново отродье). Комедия // Новый мир. 1993. № 9. С. 98—128.

23. Платонов А.П. Счастливая Москва. Роман // Новый мир. 1991. № 9.

24. Платонов А.П. Волшебное существо. Пьеса. М., 1967.

25. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. В.А.Чалмаева. М., 1998. Т. 1. Стихотворения. Рассказы и повести 1918—1930. Очерки.

26. Платонов А. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. В.А.Чалмаева. М., 1998. Т. 2. Чевенгур. Роман. Котлован. Повесть. Впрок. Повесть. Ювенильное море. Повесть. Приложения.

Исследования

1. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам I междунар. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения А.П.Платонова, 20—21 октября 1989 г. / Ред.-сост. Н.В.Корниенко. М., 1994. Вып. 1.

2. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам II междунар. науч. конф., посв. 95-летию со дня рождения А.П.Платонова, 17—19 октября 1994 г. / Ред.-сост. Н.В.Корниенко. М., 1995. Вып. 2.

3. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам III междунар. науч. конф., посв. творчеству А.П.Платонова, 26—28 ноября 1996 г. / Ред.-сост. Н.В.Корниенко. М., 1999. Вып. 3.

4. Аверин Б.В. Этическая концепция человека в статьях А.Платонова конца 30-х годов // Творчество А.Платонова: Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 140—146.

5. Агеносов В.В. Идеино-художественное своеобразие романа-мифа А.Платонова «Чевенгур» // Писатель и время. М., 1991. С. 127—144.

6. Адорно Т.В. Проблемы философии морали. М., 2000.

7. Александров А. О повести «Котлован» А.Платонова // Грани. 1970. № 77. С. 134—143.

8. Андрей Платонов: Исследования и материалы: Сб. трудов. Воронеж, 1993.

9. Андрей Платонов — писатель и философ // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 14.

10. Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994.
11. Андрей Платонов. Проблемы интерпретации. Воронеж, 1995.
12. Андрей Платонов: воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994.
13. Аннинский Л. А. Восток и Запад в творчестве Андрея Платонова // Простор. Алма-Ата, 1963. № 1. С. 89—97.
14. Антонова Е.А. «Безвестное и тайное премудрости...» (Догматическое сознание в творчестве А.Платонова) // «Страна философов» А.Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 39—54.
15. Бабенко Л.Г. Человек и мир в рассказах А.Платонова 20-х гг. // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Свердловск, 1976. Вып. 8. С. 77—85.
16. Бальбуров Э.А. Космос Платонова. «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие). Новосибирск, 1996. С. 122—131.
17. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
18. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
19. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи). Париж, 1934.
20. Богданович Т.К. вопросу о формировании творческих взглядов А.Платонова // Филологические науки. 1989. № 75—78.
21. Бороздина П. Повесть А.Платонова «Джан» // Творчество Платонова: Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 93—106.
22. Бочаров С.Г. «Вещество существования» // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 10—46.
23. Брель С.В. Диалектика духовного и материального начал в прозе Андрея Платонова (категории «живого» — «неживого» в жанрах научной фантастики и антиутопии): Афтореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
24. Брель С.В. Трансформация представлений русской философии первой трети XX в. О «живом» и «неживом» в эстетике А.Платонова // Проблемы истории литературы: Сб. статей. М., 1998. Вып. 6. С. 81—97.
25. Буйлов В. Андрей Платонов и язык его эпохи // Русская словесность. 1997. № 3. С. 30—34.

26. Бурханов Р.А., Любутин К.Н. Классическая антропология: И.Кант и Л.Фейербах (От трансцендентальной философии И.Канта к гуманизму Л.Фейербаха). Екатеринбург, 1995.

27. Варшавский В.С. Чевенгур. Родословная коммунизма. Париж, 1982. С. 129—158.

28. Васильев В.В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М., 1982.

29. Васильева М.А. Философия существования Андрея Платонова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. М., 1992. № 4. С. 13—20.

30. Вознесенская М.М. Семантические преобразования в прозе А.Платонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

31. Вознесенская М.М., Дмитровская М.А. О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А.Платонова. Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 140—146.

32. Вьюгин В.Ю. Поэтика Андрея Платонова и символизм // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 267—273.

33. Вьюгин В.Ю. Платонов и анархизм (К постановке проблемы) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 101—113.

34. Вьюгин В.Ю. «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

35. Гегель Г. Феноменология духа. СПб., 1992.

36. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982.

37. Гумилевский Л. Судьба и жизнь. Андрей Платонов. Воспоминания современников. М., 1994. С. 52—73.

38. Гусев В. Практическая теория Андрея Платонова. Память и стиль. М., 1981. С. 240—242.

39. Гюнтер Х. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 135—151.

40. Гюнтер Х. «Счастливая Москва» и архетип матери в советской культуре 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 170—175.

41. Дебюзер Л. Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан» // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 320—329.

42. Дебюзер Л. Альберт Лихтенберг в «мусорной яме истории» (О литературном и политическом подтексте рассказа «Мусорный ветер») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 240—249.

43. Дмитриовская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 78—85.

44. Дмитриовская М.А. Язык и мирозерцание А.Платонова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

45. Дмитриовская М.А. «Загадка времени»: А.Платонов и О.Шпенглер // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 302—313.

46. Дмитриовская М.А. «Любовь» и «ненависть» как характеристики взаимоотношений человека и природы в творчестве раннего А.Платонова // Актуальные проблемы лингвистической семантики. Калининград, 1998. С. 48—55.

47. Дмитриовская М.А. Антропологическая доминанта в этике и гносеологии А.Платонова (конец 20-х — середина 30-х годов) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 91—100.

48. Дмитриовская М.А. Вещество в художественном мире А.Платонова // Литературный текст: проблемы и методы исследования: Сб. науч. трудов. Тверь, 1997. Вып. 3. С. 46—54.

49. Дмитриовская М.А. Эволюция понятий «истина» и «смысл» в творчестве А.Платонова // Логический анализ языка. Истина в языке и культуре. М., 1995. С. 69—78.

50. Дмитриовская М.А. «...Если кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Божие» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 124—130.

51. Дмитриовская М.А. Макрокосм и микрокосм в художественном мире А.Платонова. Калининград, 1998.

52. Дмитриовская М.А. Проблема человеческого сознания в романе А.Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 39—52.

53. Дмитриовская М.А. Тожественность себе и неизменность: мир и человек в произведениях Андрея Платонова. Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990. С. 153—165.

54. Дужина Н.И. Андрей Платонов: поход на Тайны // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 5—47.

55. Дырдин А.А. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск, 2000.

56. Жукоцкий В.Д. Маркс после Маркса. Материалы по истории и философии марксизма в России. Нижневартовск, 1999.

57. Зейфрид Т. Смрадные радости марксизма: Заметки о Платонове и Батае // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 48—59.

58. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1—2.

59. Золотоносов М. Ложное солнце: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Вопросы литературы. 1994. Вып. 5. С. 3—43.

60. Ивонин Ю.П. Между гармонией и восстанием (проблема социального идеала в русской философии «Серебряного века»). Новосибирск, 1997.

61. Казакова С. Родовой человек и социальное «лоно» в прозе Андрея Платонова // Wiener Slawistischer Almanach. 1996. № 37. С. 67—90.

62. Какабадзе З. Проблема отчуждения человека. Тбилиси, 1972.

63. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

64. Кантор К.М. Без истины стыдно жить // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 14—21.

65. Карасев Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у А.Платонова) // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 26—43.

66. Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995.

67. Карасев Л.В. Смех и стыд у Андрея Платонова. Философия смеха. М., 1996. С. 155—166.

68. Карасев Л.В. Движение по склону (Пустота и вещество в мире А.Платонова) // «Страна философов» А.Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 5—38.

69. Касаткина Е. «Прекращение вечности времени», или Страшный Суд в котловане (Апокалиптическая тема в повести «Котлован») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 181—190.

70. Киселев А. Одухотворение мира: Н.Федоров и А.Платонов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1. С. 237—248.
71. Коваленко В.А. Трудная дорога свободы (О романе А.Платонова «Чевенгур») // Философские науки. М., 1990. № 8. С. 107—113.
72. Кожевникова Н.А. О словах «жизнь», «жить» в прозе А.Платонова // Стилистика и поэтика: Тез. Всесоюз. науч. конф. М., 1989. С. 71—75.
73. Корниенко Н.В. «...Увлекая в дальнюю Америку» // Новый мир. М., 1993. № 9. С. 128—140.
74. Корниенко Н.В. «Заметки» Андрея Платонова (комментарий к истории невышедших книг А.Платонова 1939 года) // Русская литература. М., 1990. № 3. С. 179—192.
75. Корниенко Н.В. История текста и биография А.П.Платонова (1926—1946) // Здесь и Теперь. М., 1993. № 1.
76. Корниенко Н.В. Повествовательная стратегия Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 312—335.
77. Корниенко Н.В. Становление концепции мира в статьях Андрея Платонова 20-х годов. Проблемы художественного метода и жанра // Герценовские чтения. Л., 1978. С. 64—69.
78. Корниенко Н. «Страна философов». (Сомнения и откровения Фомы Пухова) // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 227—245.
79. Корниенко Н.В. В мысли о России (к истокам философско-исторической концепции творчества Андрея Платонова) // Русская литература. 1985. № 1. С. 111—125.
80. Корниенко Н.В. Повесть Андрея Платонова как философско-психологическое единство. Целостность художественного произведения. Л., 1986. С. 27—37.
81. Корниенко Н.В. Творческая биография и текстология А.П.Платонова. (В художественной лаборатории писателя): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
82. Корниенко Н.В. Философские искания и особенности художественного метода Андрея Платонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

83. Корниенко Н.В. Философский диалог Хлебникова и Платонова. Поэтический мир В.Хлебникова // Научно-методические проблемы изучения: Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 1990. С. 75—83.
84. Корниенко Н.В. Человек и природа в прозе А.Платонова и М.Пришвина: К проблеме типизации характера в советской литературе // Проблема характера в советской литературе. Челябинск, 1988. С. 41—49.
85. Лазаренко О.В. Мифологическое сознание в антиутопии XX века и роман А.Платонова «Чевенгур» // Филологические записки. Вестн. литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 76—82.
86. Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899—1929 гг. Амстердам, 1995.
87. Ласунский О.Г. Житель родного города. Воронеж, 1999.
88. Лосев В.В. Об антропоморфизме А.Платонова и Н.Заболоцкого. Развитие традиций и формирование жанров в советской литературе. М., 1991. С. 35—42.
89. Лосский Н.О. История русской философии.
90. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 365—376.
91. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993.
92. Любушкина М.А. Платонов — сюрреалист // Филологические записки. 1995. Вып. 4. С. 121—131.
93. Любушкина М.А. Идея бессмертия у раннего Платонова // Russian Literature. 1988. XXIII—IV. С. 397—424.
94. Малыгина Н.М. Идеино-эстетические искания А.Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Русская литература. Л., 1977. № 4. С. 158—165.
95. Малыгина Н.М. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск, 1985.
96. Малыгина Н.М. Естественно-научные источники представлений о природе А.Платонова // Человек и природа в художественной прозе: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1981. С. 49—64.
97. Малыгина Н.В. Эстетические взгляды Андрея Платонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.
98. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. М., 1995.

99. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920—1930-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
100. Маркс К. и Энгельс. Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
101. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
102. Михеев М.Ю. В мир Платонова через его язык. Предложения, факты, истолкования, догадки. М., 2003.
103. Моторина Л.Е. Философская антропология. М., 2003.
104. Найман Э. «Из истины не существует выхода». Андрей Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9.
105. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990.
106. Новикова Т. Необыкновенные приключения науки в утопии и антиутопии (Г.Уэллс, О.Хаксли, А.Платонов) // Вопросы литературы. 1998. № 7—8. С. 179—203.
107. Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М., 1985.
108. Орлов В.В., Васильева Т.С. Антропология как система наук о человеке // Три точки зрения на философскую антропологию. Севастополь, 1996. Вып. 2.
109. Павловский А.И. Яма (О художественно-философской концепции повести Андрея Платонова «Котлован») // Русская литература. 1991. № 1. С. 3—20.
110. Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 191—197.
111. Пискунова С.И. Мудрость заброшенных книг // Вопросы философии. М., 1989. № 3. С. 31—34.
112. Пискунова А. Бикогитальность (двоемыслие) в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 424—431.
113. Подорога В.А. Евнух души (Позиции чтения и мир Платонова) // Вопросы философии. М., 1989. № 3. С. 21—26.
114. Подорога В.А. Понятие тела. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995. С. 9—98.
115. Полтавцева Н.Г. Критика мифологического сознания в творчестве Андрея Платонова. Ростов н/Д, 1977.
116. Полтавцева Н.Г. Философская проза Андрея Платонова. Ростов н/Д, 1981.

117. Полтавцева Н.Г. Философско-этическая проблематика прозы Андрея Платонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

118. Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова. Н.Новгород, 1998.

119. Розанов В.В. О себе и жизни своей. (Уединенное. Смертное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени). М., 1990.

120. Рудаковская Э. Средства выражения авторской позиции в романе Андрея Платонова «Чевенгур»: Диссертация на соискание ученой степени magister artium (русская литература). Тарту, 1998.

121. Русский космизм: антология философской мысли. М., 1993.

122. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру (Критический очерк экзистенциального психоанализа). М., 1985.

123. Савельзон И.В. А.П.Платонов в восприятии зарубежных исследователей // Общественные науки в СССР. Сер. 7. Литературоведение. 1991. № 4. С. 69—88.

124. Савкин И.А. На стороне Платона. Карсавин и Платонов, или Об одной не-встрече // Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 153—162.

125. Сарычев Я.В. Картина мира А.Платонова: религиозно-философский аспект // Третьи Платоновские чтения: Тез. докл. междунар. науч. конф. Воронеж, 1999. С. 42—45.

126. Свительский В.А. Конкретное и отвлеченное в мышлении А.Платонова-художника // Творчество А.Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 7—26.

127. Сейранян Н.П. Концепция человека в творчестве Андрея Платонова // Вестн. общественных наук АН Армянской ССР. Ереван, 1970. № 2. С. 59—68.

128. Сейранян Н.П. Творчество Андрея Платонова 20-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1970.

129. Сейфрид Т. Платонов как прото-соцреалист // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1. С. 145—154.

130. Семенова С.Г. «В усилиях к будущему времени...» (Философия Андрея Платонова) // Литературная Грузия. Тбилиси, 1979. № 11. С. 104—121.

131. Семенова С.Г. Мытарства идеала. К выходу в свет «Чевенгура» Андрея Платонова // Новый мир. М., 1988. № 5. С. 218—231.

132. Семенова С.Г. Николай Федоров. Творчество жизни. М., 1990.
133. Семенова С.Г. Сердечный мыслитель // Вопросы философии. М., 1989. № 3.
134. Семенова С.Г. Философские мотивы романа «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 54—90.
135. Семенова С.Г. «Влечение людей в тайну взаимного существования...» (Формы любви в романе) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 108—123.
136. Семенова С.Г. «Идея жизни» у Андрея Платонова // Москва. 1988. № 3. С. 180—189.
137. Семенова С.Г. «В усилении к будущему времени...» (Философия Андрея Платонова). Преодоление трагедии // «Вечные вопросы» в литературе. М., 1989. С. 318—377.
138. Семенова С.Г. «Тайное тайных» Андрея Платонова. (Эрос и пол) // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 122—153.
139. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. СПб., 1896.
140. Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // *Russian Literature*. 1981. IX—III. P. 231—288.
141. Толстая-Сегал Е. Натурфилософские темы в творчестве А.Платонова 20-х—30-х годов // *Slavica Hierosolymitana*. 1979. Vol. IV. С. 223—254.
142. Федоров В.С. Метафизический символизм Андрея Платонова // *Русская философия. Новые исследования и материалы*. СПб., 2001.
143. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
144. Флоренский П.В. Столп и утверждение истины // *Русский эрос, или Философия любви в России*. М., 1991. С. 284—306.
145. Фоменко Л.П. Человек в философской прозе А.П.Платонова. Калинин, 1985.
146. Фоменко Л.П. Творчество А.П.Платонова (1899—1951): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
147. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
148. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений. М., 1989.
149. Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.

150. Харитонов А.А. Андрей Платонов в контексте своей эпохи: Материалы IV Платоновского семинара // Русская литература. 1993. № 2. С. 243—251.
151. Харитонов А.А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993.
152. Хели Костов. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки, 2000.
153. Хрящева Н.П. Миф о Петре I и платоновская современность в повести «Епифанские шлюзы» // Филологические записки. 1999. Вып. 13. С. 77—96.
154. Чалмаева В.А. Андрей Платонов. М., 1978.
155. Чалмаева В.А. Андрей Платонов: (К современному человеку). М., 1989.
156. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. М., 1995.
157. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1923. Т. 1.
158. Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове: Работы разных лет. М., 1987.
159. Шубин Л.А. Горят ли рукописи? (Или о трудностях диалога писателя с обществом) // Нева. 1988. № 5. С. 164—178.
160. Щербачков А. Родство, сиротство, гражданство и одиночество в произведениях А.Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 265—273.
161. Шубин Л.А. Градовская школа философии // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 21—26.
162. Эйдинова В.В. Рассказы А.Платонова 20-х годов (стиль и жанр) // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Свердловск, 1976. Вып. 9. С. 83—100.
163. Эпельбоин А. «Двойственное сознание» человека: к проблеме амбивалентности в поэтике А.Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 186—192.
164. Яблоков Е.А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб., 2001.
165. Яблоков Е.А. О Философской позиции А.Платонова (проза середины 20-х — начала 30-х годов) // Russian Literature. Amsterdam, 1992. V. 23. № 3. P. 227—252.

166. Яблоков Е.А. Художественная философия природы (творчество М.Пришвина и А.Платонова середины 20-х — начала 30-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 55—71.

167. Arbeiten und Text zur Slavistik 33 (Starik i starucha). Munchen: Sagner, 1984.

168. Bethea D. The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. Princeton, 1989.

169. Fiction. Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1989.

170. Naiman E. The Thematic Mythology of Andrej Platonov // Russian Literature. 1987. XXI—II. С. 189—216.

171. Russian Literature. Amsterdam, 1987. Vol. 21. № 2.

172. Russian Literature. Amsterdam, 1988. Vol. 23. № 4.

173. Seifrid T. On the Genesis of Platonov's Literary Style in the Voronez Period. // Russian Literature. 1988. XXIII—IV. С. 367—386.

174. Teskey A. Platonov and Fedorov. The Influence of Christian Philosophy on a Soviet writer. Amersham, 1982.

Содержание

Введение	3
Глава 1	
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ А.П.ПЛАТОНОВА	6
Глава 2	
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МИР А.П.ПЛАТОНОВА И МЕСТО В НЕМ ЧЕЛОВЕКА	24
Глава 3	
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА А.П.ПЛАТОНОВА	40
§ 1. Индивид и коллектив	40
§ 2. Проблема отчуждения	53
§ 3. Поиски смысла жизни	68
Заключение	86
Литература	91